

№125 2015 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

УБИЙСТВО БОРИСА НЕМЦОВА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

В ночь с 27 на 28 февраля 2015 года в центре Москвы, в сотне метров от Кремля, застрелен Борис Немцов. Это — политическое убийство.

В последние годы и месяцы власть России и служащие ей средства массовой информации создали атмосферу ненависти к любому инакомыслию. Государственная пропаганда не только «высвечивает», подобно прожектору, мишень для убийц, но и создает у них ощущение безнаказанности. Оппозиционных и просто независимых общественных и политических активистов называют вражескими агентами, по сути, объявляя их «разрешенной целью». Так, на 1 марта на канале НТВ был об-

На снимке: Один из плакатов на траурном митинге. Фото Вячеслава Феррапошкина

Окончание на с. 4

В НОМЕРЕ:

Построят ли музей Сталина под Ржевом? с. 2

«Пермь-36» — конец или начало с. 3

Выставка «Город как учебник истории. Места репрессий в Москве» с. 5

Слава бесславья: о сложностях выработки концепции памятника жертвам репрессий с. 7

Памяти друга: Руга Карловна Озолина с. 11

Путеводитель по печорскому ГУЛАГУ с. 11

16 марта в помещении «Международного Мемориала» прошла дискуссия, посвященная сооружению памятника жертвам политических репрессий в Москве. Идея памятника начала широко обсуждаться еще, в перестроечную эпоху, когда на общество выплеснулась волна сведений о репрессиях советского времени (см. статью Н. Брагинской «Слава бесславья» на с. 7). Сейчас же дискуссия стала неожиданно актуальной в связи с объявлением Департаментом культуры правительства Москвы и Государственным музеем истории ГУЛАГа открытого конкурса на разработку концепции монумента жертвам политических репрессий.

це 1980-х годов инициативная группа собирала подписи в Верховный Совет СССР под обращением о создании такого мемориала, затем был открыт счет для сбора денег на памятник.

Впрочем, тогда поставить памятник не удалось, поскольку государство не выделило необходимого финансирования, а собранные народные пожертвования «сгорели» во время инфляции. Зато 30 октября 1990 г. на Лубянской площади в Москве по инициативе и при активном участии «Мемориала» был установлен Соловецкий камень, который был привезен в столицу с Большого Соловецкого острова из мест, где в 1920–1930-х годах действовал Соловецкий лагерь особого

«И ЭТО УЖЕ ДОСТИЖЕНИЕ!»

Планируется, что памятник будет поставлен на пересечении Садово-Спасской улицы с проспектом академика Сахарова. Конкурс предполагается проводить в 2 этапа. В ходе первого из них, квалификационного отбора, экспертами будет отобрано 10 наиболее интересных проектов. На втором этапе из этих 10 работ будут выбраны победитель и 2 финалиста. Кроме того, в результате народного голосования будет присужден приз зрительских симпатий. Объявление победителей и открытие выставки скульптурных моделей проектов состоится 30 октября 2015 г. К моменту проведения дискуссии на конкурс подано 55 заявок. Дискуссию открыл Арсений Рогинский, председатель Правления «Международного Мемориала». Он рассказал о дившейся четверть века борьбе «Мемориала» за создание памятника. Идея памятника возникла еще в 1960-х годах. В кон-

назначения (СЛОН), ставший председателем ГУЛАГа.

Новый этап борьбы за сооружение памятника, по словам Арсения Рогинского, начался в 2010 г., когда президенту Дмитрию Медведеву была представлена программа по увековечению памяти жертв репрессий. «Там был пункт о создании памятника в Москве. Были центральные, базовые пункты, связанные с увековечением, с топонимикой. Целый раздел был посвящен проблеме секретности архивов и доступа к документам о терроре. Большой раздел был связан с местами захоронений и с поиском этих мест захоронений. Ставилась важная задача по созданию электронной базы данных. Очень важными пунктами были социальное положение жертв, создание учебников», — рассказал Арсений Рогинский.

Окончание на с. 6

АЛИХАН АХИЛЬГОВ: «ДАЖЕ В ГОДЫ ССЫЛКИ ЛЮДИ ОСТАВАЛИСЬ ЛЮДЬМИ»

Алихан Ахильгов начал свою трудовую деятельность в ссылке в 14-летнем возрасте в должности рабочего на каменоломне. Вернувшись из депортации, год проработал в совхозе механизатором, затем был избран секретарем Назрановского райкома комсомола. Через некоторое время его перевели в Чечено-Ингушский обком комсомола, где он проработал 10 лет. Был начальником отдела управления «Грозтрубопроводстрой». С 1993 г. по настоящее время — президент Фонда помощи ранее депортированным народам, основная задача которого — оказание помощи в отдыхе и лечении детям-сиротам, пострадавшим во время этнических конфликтов и во время боевых действий в горячих точках России.

Колодец находился в километре от села. И каждое утро, едва светало, Алихан и его родственник, десятилетний Заурбек, грузили пятиведерную кадуюшку на санки и отправлялись за водой. Февраль 1944 г. был особенно морозным, старожилы не могли припомнить, когда еще была такая стужа. Хава надевала на своего младшего, шестилетнего Алихана, старый ватник, подпоясывала ремешком. На голову шапку-ушанку, а потом еще, к явному неудовольствию мальчика, старый платок, завязывая на спине крепким узлом.

— Может, сядешь на санки, покатаю? — каждый раз предлагал Заурбек младшему брату. Тот отрицательно качал головой — он уже знал: если ехать на санках, очень быстро замерзнешь.

К колодцу добирались быстро. Пока Заурбек несколько раз поднял вверх ведро и резко бросал вниз, чтобы разбить лед, покрывший за ночь воду в колодце, Алихан наблюдал, как поднимавшееся солнце окрашивает снег розовым цветом. И такой же розовой становилась стена расположенной недалеко кошары, и даже воробы, которые прятались под стрехой, тоже были чуточку розовыми.

— Хватит глазеть, давай санки подтаскивай поближе, — Заурбек уже поднял ведро с водой. Легко сказать

«подтаскивай», если вокруг колодца панцирь ледяной и невозможно стоять, ноги так и расплозаются в разные стороны. Вода из ведра расплескивалась на землю и на одежду мальчиков, которая тут же покрывалась ледяной коркой. Но о холоде уже не думалось: быстрее набрать кадуюшку и домой, домой. Чтобы не расплескать воду и, не дай бог, не опрокинуть санки с кадуюшкой, что случилось, и не раз, мальчики осторожно спускали санки с ледяной горки, которая была вокруг колодца. Остановились передохнуть, и тут от кошары подлетело несколько воробьев — напиться воды. Один, самый маленький, вдруг упал. Серый комочек откатился к ногам Алихана.

— Что это с ним? — спросил он у Заурбека.

— Замерз. Мороз видишь какой. Давай бери веревку, а то мы тоже сейчас тут замерзнем.

Алихан взял в руки замерзшего воробья. Он не понимал, как это получилось — только что летал и сразу замерз. И сунул холодный комочек себе за пазуху.

В его обязанности входило, накинув на себя веревку, тащить санки, а сзади повозку подталкивал Заурбек. Алихан всегда вспоминал картинку в учебнике по литературе у старших братьев: трое детей ташат боль-

Окончание на с. 9

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

В Нижневартовске Тюменской области в этом году предполагается установить памятник жертвам политических репрессий. Об истории этого монумента рассказала председатель правления нижневартовской общественной организации пострадавших от политических репрессий «Истоки памяти» Лидия Таскаева.

История эта началась почти 11 лет назад, 30 октября 2004 г. На мероприятии, посвященном Дню памяти жертв политических репрессий, во дворе культуры «Октябрь» Нижневартовска со сцены было зачитано обращение репрессированных к городским властям с просьбой об установке на берегу Оби памятника жертвам политических репрессий. Обращение было передано председателю городской думы Владимиру Тихонову с просьбой ознакомить с ним депутатов и мэра.

«Река была немым свидетелем гибели невинно замученных и сосланных людей, граждан СССР. Однако администрация города посчитала по-другому, нашей организации был выделен в аренду земельный участок для памятника в Старом Вартовске (район Нижневартовска — Примеч. «30 октября»), возле средней школы № 1. По данным чиновников, первые репрессированные спецпереселенцы появились именно в Старом Вартовске и стали жить в оврагах и хижинах», — рассказывает глава «Истоков памяти». Кроме того, по ее словам, недалеко от предложенного властями места находится кладбище, где хоронили спецпереселенцев.

В 2008 г. по инициативе «Истоков памяти» городским управлением

Окончание на с. 4

РЕГИОНЫ

С 2012 г. значительно возросло число россиян, считающих оправданными миллионы жертв сталинской диктатуры в СССР. Об этом свидетельствуют данные опроса «Левада-центра», опубликованные на сайте www.levada.ru — если 3 года назад человеческие потери в эпоху Сталина-Джугашвили оправдывали 25% опрошенных жителей России, то теперь уже 45%. Противоположной точки зрения придерживается 41% россиян (в 2012 г. — 60%).

«Это очень тревожный сигнал. В отношениях между человеком и государством важнее человек, а не государство. Пока мы не поймем, что важнее человек, его права, интересы и чувство свободы, ничего у нас не получится», — передает Интерфакс слова председателя Правления «Международного Мемориала» Арсения Рогинского.

По инициативе Уссурийского совета ветеранов в городе возможно появится мемориальная доска, посвященная Иосифу Сталину. Второй секретарь крайкома КПРФ Павел Ашихмин сказал «Коммерсанту», что компартия «готова профинансировать расходы» — 60–80 тысяч рублей.

Готовятся к установке памятника Сталину в Орле. Глава обкома КПРФ, депутат Госдумы Василий Иконников идею установки монумента публично поддержал, как и его соратник по партии — губернатор Вадим Потомский.

В Красноярском крае под обращением к губернатору Виктору Толоконскому с просьбой выделить место под установку бюста Сталина к 70-летию Победы подписались не только коммунисты, но и члены партии «Справедливая Россия».

Нижегородские и махачкалинские коммунисты обратились к губернаторам и мэрам региональных столиц с просьбой разрешить установку памятника Сталину.

В Каспийске коммунисты не получили ответа от мэрии на просьбу назвать в честь Сталина улицу в одном из новых районов города.

Петербургский горком КПРФ направит губернатору Георгию Полтавченко обращение с предложением увековечить память Сталина. В горкоме сказали, что один из вариантов — установить бюст на аллее Героев в Московском парке Победы.

В столице инициативные группы регулярно выступают с предложениями поставить памятник Иосифу Сталину. Одно из последних предложений мэру Москвы Сергею Собянину — увековечить Сталина вместо крестителя Руси князя Владимира на Воробьевых горах.

Напомним, в 2009 г. в вестибюле станции московского метро «Курская-кольцевая» было восстановлено после реставрации имя Сталина, стертое более 50 лет назад, о чем «30 октября» писала в № 93. Весной 2012 г. в Екатеринбурге были запущены на маршруты «сталинобусы» с изображением Сталина, так город присоединился к акции «Автобус Победы», прошедшей в почти 30 городах, о чем «30 октября» писала в № 108.

В январе в Ялте был открыт памятник лидерам стран антигитлеровской коалиции скульптора Зураба Церетели, одной из фигур которого является Иосиф Сталин. До присоединения к России власти Крыма от скульптуры отказывались. Отказались от нее и власти Волгоградской области.

Памятник Иосифу Сталину в городе Дагестанские Огни не будет установлен из-за недостатка средств и неоднозначного отношения к его фигуре, заявил глава города, рассказал «Кавказский узел». По данным Общества «Мемориал», в так называемых сталинских расстрельных списках значатся 54 жителя Дагестана.

Напомним, сталинские списки — перечни людей, осужденных по личной санкции И.В.Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным мерам наказания — в подавляющем большинстве к расстрелу. Впервые эти списки были опубликованы в 2002 году на диске, подготовленном Обществом «Мемориал» и Архивом Президента РФ. В 2013 г. вышел второй диск, в него вошли имена 43500 осужденных Военной коллегией, из них около 33 тысяч снабжены биографическими справками.

Основу публикации составили списки, относящиеся к 1936–1938 гг., когда «списочный» механизм осуждения применялся наиболее часто: в Архиве Президента РФ (АП РФ) сохранилось 383 списка. Оригиналы списков составляют 11 томов.

В декабре 2014 г. в Перми были установлены транспаранты и баннеры, прославляющие Сталина. Установка баннеров сопровождалась расклеиванием плакатов аналогичного содержания на жилых домах в Перми и Краснокаменске, массовой раздачей календарей и сувениров. Аналогичная акция прошла и в марте 2015 г.

По материалам газеты «Коммерсант», www.hro.org, интернет-издания «Кавказский узел», ИА «Интерфакс»

О том, почему подобное отношение к фигуре Сталина является для правозащитников неприемлемым, корреспондент газеты «30 октября» поговорил с автором заявления, сопредседателем Тверского отделения «Российского Мемориала» Сергеем Владленовичем Глушковым.

ПОСТРОЯТ ЛИ МУЗЕЙ СТАЛИНУ ПОД РЖЕВОВОМ?

«Верховный главнокомандующий действительно останавливался в августе 1943 г. в доме колхозницы Кондратьевой, это исторический факт», — отмечает собеседник издания. Это место, по его словам, давно облюбовано как место поклонения Сталину. «Они установили на этом доме памятную доску, приезжают туда, чтобы поклониться своему кумиру».

Истинная причина приезда Сталина в деревню под Ржевом до сих пор остается неясной. Надо сказать, что фронт к этому времени был уже довольно далеко от этого места — Ржев освободили в марте. «По этому поводу существует немало версий. Одна из них гласит о том, что «верховный» хотел лично увидеть Ржев, где было положено 2 миллиона жизней. Это самая кровавая битва за всю мировую историю», — отмечает Глушков. — Все леса вокруг Ржева усыпаны человеческими костями. Там до сих пор дети играют черепами. Жуткое место».

Сделать в этом трагическом месте музей человеку, в значительной степени по вине которого погибло столько людей, — идея, по мнению Глушкова, довольно глупая. По его мнению, скорее всего, об этой инициативе Российского военно-исторического общества (РВИО) никто так и не узнал бы, так как в Ржеве реализацией этого проекта заниматься оказалось некому. «Они обратились в наш головной краеведческий музей с просьбой прислать художников и помочь разработать концепцию экспозиции. Один из художников туда поехал и привез бумажку с техзаданием из 14 положений на разработку экспозиции, — вспоминает Глушков. — Эта бумага попала к Светлане Герасимовой. Это известный историк, специалист по Ржевской битве. Она пришла к нам с вопросом: «Что же, вы это пропустите?»

Тверское региональное отделение Российского общества «Мемориал» «пропускать» это не собиралось. «В этой концепции они хотят описать всю жизнь Сталина, его вклад в послевоенное развитие, «10 сталинских ударов» по разгрому фашистов и взятию Германии и «запихнуть» 14 тем в крестьянском домике. Музейщики признают, что сам этот дом имеет определенную историческую ценность как свидетель события. Но делать из него не музей события, а

музей личности — это нелепо. Это не лезет ни в какие ворота даже с логической точки зрения», — говорит Сергей Владленович.

Коммунисты очень обрадовались тому, что будет создан музей Сталина, написали в своей газете «радостную статью». «Честно говоря, я думаю, что они просто не успеют этого сделать к юбилею Победы, да и делать этот музей некому. Просто само намерение сделать из этого места Мекку, куда будут приезжать сталинисты со всей страны на поклон великому вождю, в те места, где земля пропитана кровью и где не похоронены тысячи погибших солдат, является неправильным», — считает Глушков.

«Скажу вам откровенно, люди в большинстве своем остаются к этой теме равнодушными. Страсти кипят в довольно узком кругу журналистов, в каких-то политизированных организациях. Власть к этой теме остается равнодушной. На то, что наша губернская власть скажет «цыц!», я не рассчитываю. Она пострадает, как всегда, увильнуть. Я хочу надеяться на то, что эта ситуация захлебнется сама по себе».

Вместе с тем собеседник «30 октября» подчеркивает, что, если бы концепция выглядела иначе, он мог бы стать сторонником создания такого музея. «Я не являюсь сторонником жестких ярлыков, даже в отношении Сталина. Сталин фигура противоречивая. Он мифологизирован в разных плоскостях. Как человек, причастный к науке, я понимаю, что ни одно историческое событие не может быть окрашено в одну краску, — говорит Глушков. — В данном же случае речь идет о Сталине, конечно, не как о личности, а как о символе — это видно из концепции. Если бы это была научная и исторически продуманная концепция, я бы, может быть, еще согласился с созданием такого музея, поскольку считаю, что прикосновение к истории, какой бы она ни была, полезно всем».

Мифологизация, героизация Сталина способствует, по его мнению, закреплению репрессивного сознания. «Привычка к тому, что массовые репрессии — это нормально и к ним можно прибегать ради каких-то благих целей, — корень всех бед. Квинтэссенция нашего заявления — нельзя воспе-

В утвержденных лично Сталиным расстрельных списках по Калининской (Тверской) области значится 151 фамилия.

вать зло как нечто, заслуживающее уважения и подражания.

Председатель правления Тверского отделения Российского общества «Мемориал» Валентина

Алексеевна Шарипова категорически против создания музея Сталина в Хорошево вне зависимости от его научной и исторической концепции. «В этой избенке уничтожено все,

что можно, и теперь из нее делают бог знает что. Никакой исторической ценности, никаких артефактов. Музейщики говорят — там одни копии. Ерунда. Бред последней стадии».

Приезд Сталина в деревню под Ржевом Валентина Алексеевна называет «неловким событием». «Вождь побывал «на фронте», когда фронт уже «укатился» далеко вперед. Эта была такая неловкая поездка, которую не стоило бы афишировать».

«О ПОПЫТКЕ ВОЗРОДИТЬ КУЛЬТ СТАЛИНА В ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ»

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ» И ПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

Как стало известно Тверскому «Мемориалу», администрация Ржевского района Тверской области одобрила предложение Российского военно-исторического общества создать в деревне Хорошево дом-музей И.В.Сталина. Открытие музея хотят приурочить к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Почему здесь? Единственный за всю войну выезд Верховного Главнокомандующего не на фронт даже, а в передовую полосу состоялся 4–5 августа 1943 г. в районе Ржева, пятью месяцами ранее освобожденного от немецкой оккупации. Дом колхозницы Кондратьевой, в котором останавливался верховный, до сих пор стоит в деревне Хорошево. В 1945 г. бюро Калининского обкома ВКП(б) по предложению первого секретаря обкома И.П.Бойцова приняло решение о необходимости сохранить этот дом «как памятник военной истории».

Нынешние поклонники Сталина пошли дальше: Сталина хотят представить «символом советских успехов и побед». Речь идет о создании в Хорошево маленького мемориала творцу одного из жесточайших в мировой истории политических режимов. «Техническое задание на разработку проекта экспозиции, расположенной в доме-музее И.В.Сталина (д. Хорошево Ржевского района Тверской области), предполагает, что в будущей экспозиции должны быть освещены 14 тем, из которых лишь 4 хоть как-то связаны с пребыванием Верховного Главнокомандующего в этом самом доме. Остальные 10 тематических разделов должны в восторженной, апологетической форме раскрыть фигуру вождя не только как творца Победы в Великой Отечественной войне и «символа всех успехов и побед», но и как политического деятеля, решения которого «на десятилетия определили судьбу послевоенного мира».

Музей будет рассказывать о великой победе, а не о ее цене, хорошо известной ржевцам: на этой земле в кровопролитнейшей битве легли до 2 миллионов советских солдат и офицеров. Значительная часть этих жертв следствии (как сказано в п.8 «техзадания») умения Верховного Главнокомандующего «как руководителя и организатора подобрать команду исполнителей».

Не нашлось места, чтобы хоть скороговоркой дать представление о Сталине как об организаторе массовых репрессий, преступлений против человечности, искусственного голода, карательных депортаций целых народов — сплошная «светлая сторона»!

«Техзадание» предусматривает очевидное искажение истории: так, п.13 документа предлагает раскрыть роль Сталина в возрождении Русской православной церкви — той, что в годы его правления была обезглавлена и унижена.

Менее всего авторы концепции и спонсоры проекта озабочены идеей исторического просвещения. Их цель противоположна: «залакировать» нашу историю, представить один из самых трагических периодов как сплошную череду удач и побед, породить ностальгию по тоталитарному прошлому.

Разумеется, невозможно создать полномасштабный «музей вождя» в деревенском доме. Речь идет об очередной попытке прорвать слабую, так и не достроенную после падения коммунистического режима защиту от возвращения бесправия и произвола, о попытке создать маленький музей как прецедент, как плацдарм, который можно превратить в место паломничества, идейного сплочения любителей «твердой руки», чтобы их усилиями поправить повернуть всякий ход истории. Вряд ли им это удастся, но такие попытки могут нанести немалый вред общественному сознанию.

Первыми жертвами намеченного прорыва к тоталитаризму станут жители Тверской области. Трудно найти тверскую семью, в родословии которой не найдутся незаконно репрессированные родственники: сосланные, загнанные в лагерь, просто убитые.

Ведь именно машина массовых репрессий, созданная благодаря «умению Сталина как руководителя и организатора подобрать команду исполнителей», стала высшим и самым заметным его историческим «достижением». Музей Сталина — в том виде, как он представлен его инициаторами — не место не только на Тверской земле, но и нигде в мире. Нельзя воспевать зло как нечто заслуживающее уважения и подражания.

13 марта 2015 г.

«ПЕРМЬ-36» – КОНЕЦ ИЛИ НАЧАЛО?

Многострадальный музей истории политических репрессий «Пермь-36», функционировавший с начала 1990-х годов на территории бывшего одноименного лагеря, в котором в советские времена содержали политзаключенных, фактически подошел к точке, за которой последуют либо его исчезновение, либо возрождение в каком-то ином качестве (вроде пресловутого «музея работников ГУЛАГа»). 3 марта АНО «Пермь-36», много лет координировавшее работу музея, объявило о начале процедуры самоликвидации.

Директор автономной некоммерческой организации (АНО) «Пермь-36» Виктор Шмыров в интервью «30 октября» рассказал, что проблемы у существовавшей 20 лет организации (в 1994–2001 г. она действовала в форме ООО – общества с ограниченной ответственностью, а в 2001 г. стала АНО) начались в 2012 г., когда совпали 2 события – в Пермском крае появился первый губернатор «варяг», а КПРФ, всегда выступавшая против деятельности музея, смогла образовать свою фракцию в краевом парламенте.

«До того ситуация складывалась для музея вполне благоприятно. За 18 лет заброшенный лагерь превратился в место, которое ЮНЕСКО намеревалось включить в свой список Всемирного наследия. У нас изначально было 2 задачи – спасти комплекс «Перми-36» и создать там музей истории политических репрессий. Обе цели были выполнены. Были сохранены все лагерные здания, а кроме того, мы восстановили часть утраченного – забор и систему ограждений. Была создана экспозиция по истории ГУЛАГа и репрессий. Музей получил признание в профессиональном сообществе, и когда зашла речь о подготовке Федеральной целевой программы увековечения памяти жертв репрессий, то именно «Пермь-36» стала одним из наметавшихся национальных центров памяти жертв репрессий», – рассказал Виктор Шмыров.

При этом региональные власти поощряли деятельность музея. Однако с приходом нынешнего губернатора ситуация радикально поменялась. В 2012 г. «Перми-36» отказались выделять бюджет на проведение форума «Пилорама», ранее включенного в список имиджевых мероприятий Пермского края. В июле 2013 г. краевой министр культуры Гладнев заявил депутатам законодательства Пермского края, что к сентябрю музей станет государственным. Сотрудники музея узнали об этом из СМИ. В следующем, 2014 г. краевые власти, воспользовавшись тем, что здания бывшего лагеря остались в госсобственности, создали государственное учреждение «Мемориальный комплекс жертв политических репрессий», которое не только заняло бывший лагерь, но и захватило имущество, принадлежащее АНО «Пермь-36», ранее осуществлявшей управление музеем. Многолетний директор музея Татьяна Курсина была уволена и заменена на Наталью Семакову, до того работавшую за-

местителем г-на Гладнева. Затем, в июле 2014 г. было опубликовано заявление администрации губернатора и Министерства культуры Пермского края о ситуации, касающейся деятельности государственного автономного учреждения культуры «Музейный комплекс политических репрессий», в котором подчеркивалось нежелание региональных чиновников работать с музеем «Пермь-36». «Нас выбросили с территории музея и захватили наше имущество – экспозиции, коллекции, архивы. Все это мы собирали 20 лет, и это – главная ценность музея», – отметил Виктор Шмыров.

5 марта уже нынешнего года стало известно, что новое руководство музея, которым прежде заведовала «Пермь-36», посвятит экспозицию лагерной истории и работникам ГУЛАГа. А 17 марта появилось сообщение, что Министерство юстиции Пермского края проверит мемориальный центр политических репрессий «Пермь-36» на исполнение функций «инострного агента».

На этом фоне 3 марта АНО «Пермь-36» объявило о начале процедуры самоликвидации. «Все попытки переговоров с администрацией Пермского края о сохранении «Перми-36» как настоящего музея истории политических репрессий в СССР и как уникального исторического памятника оказались безрезультатны. Все возможности АНО «Пермь-36» построить партнерство власти и общественности в этом вопросе исчерпаны», – говорилось в заявлении, размещенном на сайте музея. Валерий Шмыров пояснил в этой связи «30 октября», что решение о самоликвидации было принято на фоне полного паралича работы организации из-за противодействия властей. «В уставе организации четко записано, что она осуществляет свою деятельность на территории музея, куда мы не можем попасть уже почти год. У нас нет средств к существованию, поскольку мы были вынуждены вернуть средства, полученные от различных организаций на проведение тех или иных проектов на территории «Перми-36». В том числе был возвращен президентский грант, полученный от фонда «Гражданское достоинство» на проведение форума «Пилорама» в 2014 г.», – рассказал он.

Правление АНО уже приняло решение о том, что фонды, коллекция, архив, библиотека будут переданы на депозитное хранение профильным организациям: пермскому и междуна-

родному «Мемориалам», Центру Сахарова и Государственному музею ГУЛАГа в Москве. Хотя есть уже некоторые сигналы о том, как власти намереваются решить проблему коллекций. 12 марта в АНО «Пермь-36» пришло письмо из прокуратуры Мотовилихинского района города Перми, в котором извещается, что районной прокуратурой проводится проверка соблюдения законодательства «в сфере сохранности архивных фондов бывших репрессивных органов музейного комплекса АНО «Пермь-36». Вероятно, новое руководство музея планирует таким образом оставить за собой присвоенные коллекции, без которых от музея останутся только голые стены.

Процедура самоликвидации могла начаться и раньше. По словам директора АНО, первые заявления на этот счет были сделаны еще в августе 2014 г. «Но потом председатель Совета по правам человека при президенте Михаил Федотов встретился с президентом и рассказал о нашей ситуации. И президент написал резолюцию на имя первого заместителя руководителя администрации президента Вячеслава Володина о том, что музей нужно сохранить. С тех пор ведутся вялые переговоры с участием членов нашего правления, верящих, что ситуацию можно изменить в лучшую сторону, и властей Пермского края», – рассказал В.Шмыров.

В рамках последнего на настоящий момент, 5-го тура переговоров 5 марта в Москве состоялась встреча председателя совета по развитию музея «Пермь-36» Владимира Лукина с Михаилом Федотовым и полпредом президента в Приволжском федеральном округе Михаилом Бабичем, который также решил поучаствовать в судьбе музея. В рамках пятого и, вероятно, уже последнего тура переговоров на 20 марта было назначено заседание совета по развитию музея «Пермь-36». В совете должны были принять участие Владимир Лукин, Михаил Федотов и Михаил Бабич.

В рамках подготовки к заседанию совета уполномоченный по правам человека в регионе Татьяна Марголина 19 марта на заседании законодательного собрания Пермского края выразила свою уверенность в том, что музей политических репрессий «Пермь-36» будет работать в полном объеме. «С точки зрения перспектив развития данного учреждения культуры у меня нет сомнений, что музей будет воссоздан. Основания для этого – последовательная политика федерального уровня по увековечению памяти жертв политических репрессий. Есть решения о том, чтобы сохранить его в формате взаимодействия государственного музея и автономной некоммерческой организации «Пермь-36». Думаю, в ближайшие дни конфликт, существующий между ними, будет урегулирован. Каким образом – это уже детали», – сказала она. Т.Марголина также выразила уверенность в том, что опыт и знания членов АНО «Пермь-36» должны быть обязательно востребованы.

Впрочем, Виктор Шмыров относится к переговорам достаточно скептически. «Только когда раздастся очередной окрик из Администрации президента, региональные власти предлагают нам: давайте начнем все с чистого листа, забудем старые обиды и т.д. И вот, мы уже проделывали это 4 раза, теперь будет уже пятый. Мы понимаем бесперспективность этих переговоров, но поскольку такие люди, как председатель нашего правления, президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов, Владимир

Лукин, председатель Правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский, надеются на то, что чего-то можно достичь, то мы продолжаем переговоры», – подчеркнул он.

По мнению директора АНО «Пермь-36», пермские чиновники не собираются вести переговоры, подтверждением чему служит история с предъявлением АНО 9 февраля через службу судебных приставов требования о возврате более миллиона рублей, якобы потраченных нецелевым образом. «Когда партнеры по переговорам говорят: подождите, вот сейчас-сейчас договоримся, а другой рукой присылают такие требования через судебных приставов, то мы понимаем, что такие переговоры бесполезны», – сказал он.

Что касается встречи, назначенной на 20 марта, то, как пояснил «30 октября» В.Шмыров, она была отложена по инициативе Владимира Лукина, к которому обратились представители «Перми-36». «Мы попросили сделать это, поскольку в меморандуме, который должны были подписывать на этой встрече, не увидели нескольких важных положений, без которых, по нашему мнению, эта бумага теряет смысл. Так, в меморандуме никак не отражена судьба нашего имущества – коллекций и архива. Мы должны четко определить, что остается у государства, а что у нас. Должен быть четко прописан отзыв судебных исков. Кроме того, если мы остаемся партнерами в работе музея «Пермь-36», – а мы готовы участвовать только в этом качестве, – должно быть четко указано, что ни одно значительное решение, касающееся функционирования музея, не должно приниматься без нашего согласия. Пока всего этого в меморандуме нет. Поэтому Владимир Лукин отложил встречу до момента, когда мы успеем энергично проработать этот документ», – заключил В.Шмыров.

Скептически в отношении успеха переговоров настроен и председатель Пермского краевого отделения «Международного Мемориала» Роберт Латыпов. В интервью «30 октября» он заметил, что ситуация «идет не в нашу сторону». «Если раньше у нас были какие-то надежды на сохранение музея, то сейчас их нет совсем. Переговоры продолжаются, но не приносят никакого результата. Мы видим реальную позицию власти и ее действия, связанные со стремлением полностью подчинить его краевому Министерству культуры. Это должна будет быть абсолютно урезанная и цензурированная информация как о самом этом месте, так и о людях, которые через него прошли», – сказал он. Как подчеркнул Роберт Латыпов, переговоры продолжают в основном из-за активных действий совета по развитию музея, который возглавляет Лукин. «Краевые власти не могут расформировать совет, поскольку он был создан Администрацией президента и поддержан президентом, который, собственно, и пригласил Лукина его возглавить. А совет настроен на сохранение музея в качестве советского института по истории репрессий и нарушениям прав человека. Поэтому, хотя эта эпопея и идет не в нашу сторону, она еще не закончена», – резюмировал председатель Пермского «Мемориала».

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: музей «Пермь-36»
Фото из архива Пермского «Мемориала»

КОНОНОВ: НИКАКОГО КОНФЛИКТА НЕТ

«Информация, опубликованная правозащитниками на одном из запрещенных ресурсов, не соответствует действительности. (Имеется в виду сайт «Грани.ру», статья Валентины Шариповой «Тирания как опухоль мозга» www.grani.ru/blogs/free/entries/238926.html – Примеч. «30 октября»). Это искусственный скандал, созданный провокационным изданием», – сообщает Владислав Кононов, руководитель департамента информационной политики РВИО.

В публикации говорится о том, что РВИО собирается устроить музей Сталина в деревне Хорошево Ржевского района. «Я хочу рассказать, чем занимается и что собирается делать Российское военно-историческое общество. Мы занимаемся военной историей, реализуем программу монументальной пропаганды, занимаемся военно-патриотическим воспитанием населения, в том числе историческим туризмом. Занимаясь историческим туризмом, мы вместе с местными органами власти различных субъектов РФ разрабатываем военно-исторические маршруты», – поясняет Кононов.

В рамках своей деятельности РВИО обратило внимание на военный маршрут в Тверской области, который называется: «Дорогой тяжкою, дорогой славою...». «Это военно-исторический маршрут, посвященный событиям на Калининском фронте, героическому подвигу наших бойцов в период Ржевского котла, освобождению Ржевского района. Общая протяженность этого маршрута – около 20 километров», – рассказал Владислав Кононов. – На этом маршруте много объектов показа – это и мемориалы, и захоронения, и храмы, в том числе и разрушенные во время Великой Отечественной войны».

В число туристических объектов для показа, по его словам, включен и небольшой домик в деревне Хорошево Ржевского района, расположенной в 2 километрах от Ржева. «Этот дом известен начиная с 1946 г. тем, что 4–5 августа 1943 г. в нем останавливался Сталин, будучи в поезде на действующий фронт. В этом доме 5 августа 1943 г. верховный главнокомандующий отдал приказ о первом в истории Великой Отечественной войны салюте в честь советских войск, освободивших Орел и Белгород», – рассказал Кононов.

В 2013 г. в честь 70-летия пребывания Сталина в деревне Хорошево местные власти установили на доме мемориальную доску. Сейчас РВИО создает музейную экспозицию, которая называется «Военно-историческая экспозиция: Калининский фронт, август 1943 года». «О пребывании Сталина мы говорим как об историческом факте, ни в коей мере не стремясь кого бы то ни было обидеть», – рассказывает собеседник издания. – С точки зрения музейной науки невозможно создать музей одного человека в месте, где он был менее двух суток. Это, в лучшем случае, можно назвать музеем события».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

➤ Окончание. Начало на с. 1

по архитектуре и градостроительству был проведен конкурс проектов памятника. В нем приняли участие авторы из Тюмени, Нижнего Тагила, Перми, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. На конкурс, по словам Лидии Таскаевой, было потрачено 100 тысяч рублей из бюджета города. Победил проект архитектора из Перми, он получил 60 тысяч рублей. Второе место занял тюменец, премия 40 тысяч рублей.

«На наклонном пьедестале находится бронзовая скульптура, изображающая связанного, но не сломленного человека. Его не смогли поставить на колени ни страх, ни унижение. Он — сильный человек, он противостоит тоталитарной машине. Еще мгновение — и он встанет и разорвет путы наговоров и предательства. Он не враг народа, он простой человек», — описал свою идею пермский скульптор.

Как написано в комплексной программе «Капитальное строительство и реконструкция объектов города Нижневартовска на 2009–2013 годы», утвержденной 2 декабря 2008 г. и размещенной на официальном сайте муниципалитета, на строительство данного архитектурно-скульптурного комплекса планировалось затратить из бюджета города в 2009–2010 гг. 6 миллионов 800 тысяч рублей. Из них половина суммы — сама скульптура, остальная часть — обустройство вокруг нее — боковые лестничные марши из красного гранита, скамейки, фонари. Руководство Нижневартовска, вспоминает глава «Истоков памяти», решило тогда провести работы по обустройству вокруг памятника, а на саму скульптуру найти деньги из внебюджетных источников.

Члены «Истоков памяти», местные строительные и жилищно-коммунальные организации очистили место возведения мемориала от остатков старых зданий, металлического гаража и мусора. С помощью муниципальных и частных фирм организация изготовила и установила там тумбу с ограждением на бетонных плитах. На тумбу прикрепил мраморную доску со сделанной художником надписью: «Здесь будет установлен памятник жертвам политических репрессий». Изготовление доски оплатил федеральный судья Нижневартовского горсуда Федор Каратеев. Открытие памятного знака состоялось в ходе митинга в День памяти жертв политических репрессий 30 октября 2009 г.

Время шло, городские власти работу не проводили. План по возведению памятника не выполнялся.

В 2012 г. организация «Истоки памяти» обратилась с письмом к

главе города с просьбой о помощи в сооружении памятника. «Нам было отказано, потому что нет средств и глава города такими делами не занимается».

Мы обратились к губернатору Ханты-Мансийского автономного округа, в который входит Нижневартовск. Был дан ответ, что наше письмо отправили в финансовый департамент и департамент культуры округа, и нам был дан совет: создать фонд по сбору средств на памятник.

«Истоки памяти» еще раз обратились к главе администрации Нижневартовска и городской думе. На заседании думы мы представили проект мемориала и рассказали историю его неустановления», — говорит Лидия Таскаева.

После этого депутатами был принят проект с планом мероприятий, утвержденный главой администрации города Аллой Бадиной, в котором было указано, по словам Таскаевой, что памятник будет установлен в октябре 2016 г.

Аренду земельного участка продолжили еще на 3 года. Летом того же года активисты с помощью муниципальных служб сделали ограждение территории будущего монумента железными трубами за 22 тысячи рублей, собранных членами «Истоков памяти».

1 августа 2013 г. неизвестные «мальчик и девочка», по словам свидетеля, разбили кирпичом мраморную табличку на памятном знаке. «Из полиции дали ответ, что сумма в 3 тысячи рублей (стоимость таблички из мрамора) для нашей организации не такая уж и существенная, а оснований для возбуждения уголовного дела по иску Таскаевой Л.С. у них нет, поскольку нет состава преступления», — рассказала глава «Истоков памяти» Лидия Таскаева. Общественная организация заказала и установила новую доску, которая стоила уже 6120 рублей.

20 июня 2014 г. дума Нижневартовска приняла решение № 610, в котором указан объект финансирования под названием «Памятный знак жертвам политических репрессий», — из бюджета города выделено 14 миллионов рублей: 6 млн рублей планировалось затратить на памятник в 2017 г., и 8 млн — в 2018 г. Как пояснила Лидия Таскаева, стоимость мемориала выросла из-за инфляции.

Планы властей построить памятник жертвам репрессий продолжали оставаться на бумаге, к тому же местная ячейка сталинистского движения «Суть времени» обратилась к властям с требованием не тратить средства городского бюджета на установку памятника жертвам политических репрессий. «Как от-

СПРАВКА: По данным общественной организации «Истоки памяти», основанной на официальных источниках, «в Нижневартовске на февраль 2015 г. проживает 98 репрессированных и двое пострадавших от политических репрессий». Из них в «Истоках памяти» состоит 71 человек.

носятся репрессии к нашему городу? Тогда города еще не было, а все жертвы — приезжие из других регионов, возможно, дети бандеровцев, власовцев или просто казнокрадов, как в проекте «Пермь-36», — говорилось в этом обращении.

Дети жертв не выдержали и 30 октября 2014 г. объявили сбор средств на памятник.

30 октября 2014 г. преподаватель школы искусств Алексей Житковский и учитель английского языка Центра разговорного английского «Эплайд» Александр Королев сделали арт-проект памяти жертв политических репрессий. «Окруженные ширмой около 50 масок без глаз, ушей и рта из белой материи выложили на полу в Центральной библиотеке города. На презентацию собрали местную молодежь, — рассказывает Лидия Таскаева.

С того дня по 20 марта 2015 г. «Истоки памяти» собрали 110 тысяч рублей.

«Мы договорились со скульптором и решили самостоятельно сделать за эту сумму стелу из черного гранита с надписью (предварительно) «Памятник жертвам политических репрессий». На такой вариант памятника средств хватает».

В феврале этого года председателя правления «Истоков памяти» пригласили на заседание комиссии по капитальному строительству городской Думы.

«Там представитель «Суть времени» заявил, что большинство жителей города выступают против установки памятника, что «установка памятника рядом со школой, оказывает деструктивное влияние на молодое поколение» и тратить 14 миллионов на мемориал нецелесообразно.

Гордума тут же, по словам Таскаевой, приняла решение, что будет установлен памятник жертвам политических репрессий на собранные «Истоками памяти» средства по предложенному организацией более дешевому проекту. Депутаты проголосовали изменить предыдущий план строительства памятника и сделать новый план, по которому мэрия должна обустроить за счет бюджета прилегающую к мемориалу территорию. «Памятник мы решили открыть 30 октября 2015 г.», — резюмировала председатель правления «Истоков памяти» Лидия Таскаева.

Вячеслав ФЕРАПОШКИН, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Памятник: проект и реальное состояние дел. Фото Житковского Алексея

УБИЙСТВО БОРИСА НЕМЦОВА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ

ЗАЯВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

явлен показ очередной серии «Анатомии протеста», где Борису Немцову отведена роль одного из главных «врагов».

Но пропагандой дело уже не ограничивается: с подачи власти создан «Антимайдан» — отряды штурмовиков, открыто провозглашающие своей целью силовое, за рамками закона, подавление оппозиции. Эти силы тесно связаны с «ополченцами», воюющими на востоке Украины, откуда в Россию возвращаются люди, имеющие опыт прямого и безнаказанного вооруженного насилия.

Сегодня мы еще не знаем имен исполнителей, организаторов, заказчиков преступления. Но мы можем определенно утверждать: именно российская власть

создала все предпосылки для убийства Бориса Немцова.
28 февраля 2015 г.

От редакции: отметим, что «Кавказский узел» опубликовал архивную запись интервью Бориса Немцова, которое состоялось 7 октября 2012 г., в годовщину убийства Анны Политковской. На этой записи политик говорит о причинах ее убийства.

«Атмосфера, которая складывалась в стране — атмосфера ненависти по отношению к журналистам, ненависти к критике, ощущение, что журналисты — это враги, — привела к убийству Анны... Убили врага Путина, поэтому и особого интереса в расследовании нет».

Именно такие же причины озвучивают коллеги и друзья Бориса Ефимовича после его убийства.

www.kavkaz-uzel.ru/articles/258049/

СПРАВКА: Преступление вызвало широкий общественный резонанс. Президент России Владимир Путин отметил, что жестокое убийство Бориса Немцова имеет все признаки заказного и носит исключительно провокационный характер. Соболезнования семье погибшего принесли главы государств многих стран мира.

1 марта в память о Борисе Немцове в Москве и нескольких городах России прошли многотысячные траурные акции. По данным сайта общественной организации «Белый счетчик», занимающейся подсчетом числа участников уличных шествий, в Москве в марше приняли участие 51,6 тысячи человек.

3 марта 2015 г. в Сахаровском центре в Москве прошла гражданская панихида по Борису Немцову. К Сахаровскому центру пришло столько людей, что к моменту завершения прощания живая очередь тянулась более чем на 700 м вдоль Садового кольца. Немцова похоронили на Троекуровском кладбище.

В течение марта и в начале апреля место убийства политика оставалось народным мемориалом — на нем все время были свежие цветы, горели свечи. В конце марта власти города приняли решение убрать народный мемориал, что вызвало волну возмущения. Мемориальное место было восстановлено активистами на их средства.

Борис Ефимович Немцов родился 9 октября 1959 г. в Сочи.

В 1981 г. окончил радиотехнический факультет Горьковского государственного университета им. Н.И.Лобачевского.

В 1990 г. был избран народным депутатом РСФСР, членом Верховного совета РФ.

В сентябре 1991 г. был назначен представителем президента России в Нижегородской области, в декабре 1991 г. — главой администрации области (губернатором).

В 1995 г. победил на выборах губернатора Нижегородской области, вошел в Совет Федерации РФ второго созыва. В начале 1996 г. по инициативе Бориса Немцова в Нижегородской области был проведен сбор подписей за вывод российских войск из Чечни. 29 января 1996 г. эти подписи были переданы президенту Ельцину.

17 марта 1997 г. Немцов был назначен первым вице-премьером правительства РФ.

В декабре 1999 г. был избран депутатом Госдумы РФ третьего созыва. В январе—мае 2000 г. был заместителем председателя Госдумы РФ третьего созыва, с мая 2000 г. — руководителем фракции «Союза правых сил», являлся членом комитета ГД по законодательству.

В декабре 2003 г. Борис Немцов вошел в первую тройку федерального списка СПС на выборах депутатов Государственной думы РФ четвертого созыва. Но эта партия не преодолела 5%-ный барьер, что не позволило ей войти в Государственную думу.

В январе 2004 г. Немцов вошел в число соучредителей общественного комитета «2008: Свободный выбор».

В 2004–2005 гг. — председатель совета директоров группы «Концерн Нефтяной».

В 2005–2006 гг. был внештатным советником президента Украины Виктора Ющенко и в 2014–2015 гг. до своей смерти был советником нынешнего президента Украины Петра Порошенко.

В 2007 г. Борис Немцов стал № 2 предвыборного списка СПС. Был выдвинут партией СПС в президенту России, однако вскоре отказался от участия в выборах в пользу Михаила Касьянова. В 2008 г. приостановил свое членство в СПС.

С 2008 г. был членом бюро Объединенного демократического движения «Солидарность». В марте 2009 г. бюро «Солидарности» выдвинуло Немцова кандидатом в мэры Сочи. На выборах, состоявшихся 26 апреля 2009 г., Борис Немцов занял второе место, получив 13,6% голосов избирателей. При этом наблюдатели от движения «Солидарность», КПРФ и ряд других утверждали, что имели место многочисленные нарушения и фальсификации. Представители КПРФ и Немцова обратились в прокуратуру. Представители сочинского избиркома отвергли обвинения в нарушениях.

В 2010 г. Немцов стал сооснователем партии народной свободы «За Россию без произвола и коррупции». В 2012 г. избран сопредседателем политической партии «Республиканская партия России — Партия народной свободы» (РПР-ПАРНАС). (Немногом более года назад Владимир Рыжков, один из трех сопредседателей РПР-ПАРНАС, покинул ее из-за разногласий с другими лидерами — Борисом Немцовым и Михаилом Касьяновым.)

В сентябре 2013 г. на региональных выборах Немцов был избран депутатом Ярославской областной думы 6-го созыва.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени (1994 г.).

Борис Немцов — автор ряда научных работ и ряда политических докладов, в частности, «Лужков. Итоги», «Путин и кризис», «Путин и Газпром», «Сочи и Олимпиада», «Путин. Итоги», «Путин. Коррупция» и др.

До конца жизни был одним из лидеров оппозиции.

(По материалам сайта Nemtsov.ru, ИА «Кавказский узел», РИА «Новости»)

5 марта, в 62-ю годовщину смерти Сталина, в Музее Москвы — точнее, под открытым небом во дворе музея — открылась выставка «Международного общества «Мемориал» «Город как учебник истории. Места репрессий в Москве», созданная при поддержке комитета общественных связей Москвы и фонда «Династия». На открытие выставки собралось 50 человек.

По словам Евгения Кикодзе, Музей Москвы нацелен на то, чтобы поддержать события, имеющие национальное значение, чем занимается Общество «Мемориал», и в то же время — прогрессивную эстетику, архитектуру. «Поэтому

«тройки» собирались и собирались ли они вообще. Или подписывавших приговоры по очереди объезжал фельдьежер. Здесь только то, что мы на сегодняшний день знаем... Хочется надеяться, что те, кто придут на эту выставку, заинтересуются, будут помогать в нашей работе. Во всяком случае, задумаются, что было в этом городе на самом деле», — сказал Ян Рачинский.

Архитектор Сергей Ситар рассказал о своей работе над созданием выставки. По его словам, сначала выставка была придумана для конкретного события — акции «Возвращение имен» у Соловецкого камня 29 октября.

«Мы решили использовать металлические мобильные ограждения для массовых мероприятий. Вместо функции загорода они выполняют функцию основания для представления материала. Получилась в каком-то смысле эстетика массовой протестной акции... Уже 30 октября просто дня 2–3, а вышло 3 месяца», — вспоминает автор проекта.

Александра Поливанова добавила: «Сергей, когда придумывал заграждения, имел в виду действительно массовые акции в центре Москвы, а мы сразу вспомнили, что сама акция «Возвращение имен» огорожена ровно этими самыми заграждениями. Вся площадь у Соловецкого камня была огорожена снаружи оградой, которую вы-

дающие подруги — «Что делать?..» Я приняла решение — прорываемся в Колонный зал. Очередь вилась уже по всему центру. Мы решили пробраться по двору ближе к Дому Союзов (тогда все дворы были открыты со всех сторон). Мы сумели пробраться во двор дома, выходящего на Пушкинскую (нынешнюю Б.Дмитровку) примерно метрах в пятидесяти от Колонного зала, забралась через окно проходного подъезда на Пушкинскую, и прыгнули с него прямо в очередь — в сугроб...»

Очередь медленно двинулась в полном молчании — никто не мог и подумать сделать нам замечание. Мы влились в очередь. Но трудно было выдержать долгое молчание, и я обратилась к одному мужчине с замечательным вопросом: «Скажите, пожалуйста, а кто, как вы думаете, будет теперь вместо товарища Сталина — Молотов?..»

...Выражение лица мужчины я смогла оценить только несколько лет спустя.

Мы вошли, прошли мимо гроба. Сталин был старый и рыжеватоседой.

Когда мы возвращались, в большой толчке входя в метро «Кировская» (ныне — «Чистые пруды»), в дверях раздавались первые (как выяснилось позже) истошные крики.

МОСКВА — УЧЕБНИК ИСТОРИИ ТЕРРОРА

В 12 прямоугольных световых табло (лайтбоксах), установленных на металлических передвижных ограждениях, которые обычно используются полицией для охраны мест от митингующих, разместились фотографии «мест памяти» — объектов и зданий, связанных с историей политических репрессий в СССР в 1920–1950-е годы. Каждую фотографию сопровождает историческая справка, подготовленная участниками мемориального проекта «Москва. Места памяти». На карте столицы отмечено 70 мест.

Визуально это выглядит как 3 луча, исходящие от стелы с вертикальной надписью названия выставки. В каждом «луче» (блоке) по 4 лайтбокса.

Первый блок — места принятия решений о репрессиях: партийные и правительственные органы, органы НКВД и Военная коллегия Верховного суда.

Второй — тюрьмы и концлагеря 1920-х годов, которые в основном находились на территории монастырей.

«Большевики открыли в Москве много концлагерей, закрывая монастыри и отправляя туда политэзков. Например, Рождественский монастырь стал Рождественским концлагерем, Ивановский — Ивановским концлагерем, Посковский — Семеновским (по Семеновской, ныне Таганской, улице, на которой расположен)», — поясняет куратор культурных программ «Мемориала» и выставки Александра Поливанова.

Третий блок — места расстрелов и массовых захоронений. Самые крупные захоронения находятся на Бутовском полигоне, полигоне «Коммунарка» и на Донском кладбище. Кроме того, есть захоронения расстрелянных на Ваганьковском и Калитниковском кладбищах. Есть и другие места. В основном это безымянные могилы, их называют «могилами неостребованных прахов». На этих захоронениях появляются самодельные установленные родственниками таблички — они есть как в Донском, так и в Бутове, и в «Коммунарке».

Через зрительные образы, историческую хронику и личные свидетельства, по мнению создателей

инсталляции, раскрывается бессилие человека перед государственными институтами в СССР сталинского периода, а также показан масштаб политических репрессий в Москве в 1930-е годы.

Выставка, полагают ее авторы, дает возможность москвичам почувствовать единство времени, места и действия городской жизни, ощутить связь с теми совсем недавними поколениями, которые жили в Москве 60–80 лет назад, поколениями наших совсем недавних предков. Судьбы этих людей вершились в конкретных домах, мимо многих из которых мы ходим ежедневно.

Напомним, что впервые выставка «Город как учебник истории» открылась 29 октября 2014 г. у Соловецкого камня на Лубянской площади во время ежегодной акции «Возвращение имен» — чтения имен москвичей, расстрелянных в годы политических репрессий в СССР.

Многие посетители пришли раньше назначенного времени, что позволило им внимательно ознакомиться с экспозицией. Погода была пасмурная, темно, с освещением во дворе музея было худо, поэтому ведущая вечера Александра Поливанова пообещала собравшимся, что после коротких выступлений всех пригласят в теплое и светлое помещение.

Первой выступила руководитель отдела «Современная Москва» Музея Москвы Евгения Кикодзе. «Название выставки абсолютно точно отражает наше представление о том, какой является Москва для всех нас. Есть представление об истории, что она проходит через значимые даты, случается с помощью сражений, великих людей, которые находят отражение в больших бронзовых монументах. Это представление ретроградно», — считает искусствовед.

«Сегодня очевидно, что история проходит одновременно по всем нам, — продолжала Евгения Кикодзе. — Каждый из нас своим телом участвует в истории. Эстетика, которую сегодня художники, архитекторы предлагают для увековечения событий, очень важна. Художественный язык так же важен и содержателен, как язык истории».

для нас этот проект настолько важен, что он со всех сторон является предметом большого интереса», — сказала руководитель «Современной Москвы».

От «Международного Мемориала» зрителей приветствовал член Правления общества Ян Рачинский. Поблагодарив создателей выставки, правительство города и музей, он признал, что «действительно важная и сложная задача — связать историю с тем местом, где мы живем; наша история почти terra incognita».

Если вспомнить дореволюционные времена, даже топонимика складывалась стихийно. Это было отражение реальной жизни города. В советский период все стало отражать только волю единственной всезнающей партии. При этом реальная жизнь оказалась не видна. То, что происходило на самом деле, мы и до сих пор не знаем. Эта выставка — только начало огромной работы. То, что показано, — это маленькая часть адресов, и многого мы не видим, как не видели своих судей почти все приговоренные в советское время по политическим делам», — говорит мемориалец.

«В сталинскую и досталинскую эпоху большая часть приговоров выносилась заочно, и люди, идя на смерть, вообще не знали ни о том, что они приговорены, ни, тем более, кем приговорены. Мы до сих пор толком не знаем, где эти

ставила полиция, а с другой стороны на таких же заграждения была вывешена выставка. Это было очень здорово».

Затем собравшихся пригласили в Белый зал Музея Москвы. Театр. doc подготовил читку воспоминаний москвичей о днях смерти и похорон Сталина 5–9 марта 1953 г., представленных им проектом 05 03 53 (см. Справку).

Трое актеров, сидя в разных углах «сцены», периодически сменяя друг друга, читали выдержки воспоминаний.

Среди них были и воспоминания литературоведа Мариэтты Чудаковой (1937 г. р.):

Я была в девятом классе. В полдевятого утра ко мне прибежали ры-

Дома меня уже похоронили: два старших брата ходили (после нас!), но, не сумев пройти, вернулись, сообщив родителям, что там — Ходынка. Вскоре мы узнали, что погибли два мальчика из соседних дворов.

Выставка продлится до 21 апреля. Адрес: Zubovskiy bulvar, d. 2. Проезд: станция метро «Парк культуры». О дальнейших планах по размещению выставки пока неизвестно.

Вячеслав ФЕРАПОШКИН, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

На снимке: Фрагменты экспозиции. Фото автора

1. Лайтбокс (англ. lightbox) — специальные короба из пластика с нанесенным на их большую поверхность изображением и интегрированной подсветкой.

СПРАВКА: Волонтерский проект 05/03/53 посвящен 5–9 марта 1953 г. — дням смерти и похорон Сталина. Задача — собрать свидетельства современников этих событий и тем самым попытаться реконструировать общественную атмосферу тех дней и исторические детали, оставшиеся за пределами официальной хроники. Смерть создателя советского государства, виновного в гибели миллионов людей, стала концом целой эпохи государственного террора, последствия которой дают знать о себе и в укладе сегодняшнего российского общества. Широкий спектр реакций на смерть «бессмертного вождя», радость и горе, надежды и страхи, шок и замешательство, различия в поведении «отцов» и «детей» предоставляет нам возможность лучше понять само устройство советского общества, выступает своего рода увеличительным стеклом, позволяющим ближе рассмотреть социально-психологическую конструкцию человека, живущего в условиях тоталитаризма.

«И ЭТО УЖЕ ДОСТИЖЕНИЕ!»

➤ Окончание. Начало на с. 1

За несколько лет обсуждения этот план сначала превратился в проект федеральной целевой программы, а затем в концепцию государственной политики в сфере увековечения памяти жертв репрессий. И как раз в 2014 г. разговоры о памятнике активизировались.

Филолог Нина Брагинская, стоявшая у истоков «Мемориала» и принимавшая участие в обсуждении проектов памятника в 1980-х годах, заметила, что подобный памятник — очень важный символ и от того, кто будет выбирать победивший проект, зависит содержание монументального высказывания.

Она подчеркнула, что до сих пор нет единого понятия жертв. «Для Хрущева это были верные партийцы. Для многих это — абстрактные «наши». Для очень многих это — обыватели. «Обыватели» я говорю не потому, что хочу унижить людей, а потому, что они не имели в себе никакого политического содержания. Они никого не трогали, никого не имели в виду, не протестовали. А их убил. А протестующие тогда виновны?» — заметила Нина Брагинская. Она подчеркнула, что «Мемориал» попал в своеобразный капкан. «Не поддержать того, за что боролись десятилетиями, невозможно. А как поддерживать, если нельзя контролировать? И я не знаю, какой путь выбрать», — отметила Брагинская.

Остальных выступавших можно было условно разделить на 2 группы. Представители первой из них выступали категорически против поддержки строительства памятника в предлагаемом виде, напоминая на то, что его будут сооружать власти, которые не имеют на это морально-правового преследования ими своих политических оппонентов во вполне советским лекалам.

Архитектор Евгений Асс заявил, что, строя памятник, власть пытается «закрыть» тему репрессий. «Теперь вот надо смыть последние кровавые пятна с белого кителя усатого менеджера и эту тему, так сказать, закончить. И на самом деле меня это пугает, мне представляется, что они это сделают — поставят памятник, какой бы то ни было. Причем он будет ужасный — я как бы заранее это предвижу. А потом закроют «Мемориал», построят при поддержке Министерства культуры музей Сталина под Ржевом. Это совершенно уже какая-то бредовая идея — именно под Ржевом построить. Потом в Уссурийске открывают мемориальную доску в память о Сталине, как сегодня стало известно. Ну, как-то все произойдет — так, в целом, укоренится чистый и прекрасный, как в фильме «Падение Берлина», будет такой красавец. И вот и все — на этом мы тему покачивая и эту историю вообще закрываем», — сказал он, назвав тему сооружения памятника «разводкой» для либеральной интеллигенции. «Нам сейчас вот кинули эту наживку, мы ее заглатываем, и на этом эта история и завершается», — мрачно заметил Е.Асс. Он также выразил возмущение местом, выбранным для памятника, подчеркнув, что оно представляется ему «оскорблением памяти миллионов жертв политических репрессий в России». «Это случайный образовавшийся пустырь, не имеющий никакого отношения к истории репрессий», — пояснил архитектор.

Григорий Ревзин, художественный критик и публицист, заметив, что конкурс «совершенно непрофессионален», подчеркнул, что все же сохраняет надежду на то, что художники породят замечательный проект. Говоря об отсутствии у власти права ставить памятник, оратор напомнил, что когда 10 лет назад там хотели поставить памятник А.Д.Сахарову, то это вызвало несогласие его вдовы Елены Боннэр, полагавшей, что это государство недо-

стойно ставить памятник Сахарову. «Это будет памятник «Жертвам репрессий от российского правительства», — заключил он.

Александр Подрабинек, правозащитник, напомнив, что в России в настоящий момент есть политические заключенные, поинтересовался, можно ли ставить памятники жертвам репрессий, если репрессии продолжают? «Власть привлекает идею увековечения памяти жертв репрессий, чтобы показать — это все было в прошлом. А оно на самом деле в настоящем», — заявил Подрабинек, призвав не поддерживать сооружение мемориала и сославшись на приведенные Григорием Ревзиным слова Елены Боннэр.

Наталья Самовер, историк, со своей стороны, заметила, что обществу не нужен «второй памятник» при наличии Соловецкого камня. «Участие в непотребстве может дать только непотребство», — сказала она.

Вторая группа выступающих полагала, что памятник нужен, поскольку его появление — знак того, что власть порывает с практиками сталинизма. Ян Рачинский, сопредседатель «Российского Мемориала», заметил, что перспектив Сахарова вполне подходящее место для памятника, поскольку его размеры позволяют, к примеру, проводить многолюдные памятные акции.

«Что касается архитектурной обстановки, то я, пожалуй, согласен с прозвучавшими мнениями о том, что это не лучшее место. Но если там предлагалось поместить памятник Сахарову, то почему там нельзя мыслить какой-то другой памятник? Если говорить о масштабности темы, то вопрос не о том, каких размеров должен быть памятник, а о том, как он будет решен и что для его создания будет сделано. Жертвы не одни и те же. Одно дело — самопожертвование, жертва во имя чего-то. И другое — жертва совершенно случайная. Они совершенно не стремились, ничего не делали для того, чтобы оказаться жертвами. Большинство жертв террора относятся именно к этой категории. Памятник ли это жертвам или монумент, говорящий о безжалостности того государства?» — сказал он.

Что касается права властей ставить памятник, то Рачинский саркастически заметил, что с тем же успехом можно было поставить вопрос, а имел ли право Хрущев опубликовать «Один день Ивана Денисовича»? «Должен ли был Солженицын стремиться к публикации, понимая, что Хрущев сам не стерильно чист, а режим поменялся, конечно, но не радикально? А если не ставить памятник, то кому от этого лучше? За счет чего режим хоть как-то изменится? Я думаю, что если вдруг действительно появится выразительный памятник, то это будет оказывать воздействие. Это вообще главный вопрос. Если мы отказываемся действовать, то за счет чего произойдут перемены? Сегодня четкое обозначение государством, пусть вопреки собственной воле, того фак-

та, что репрессии были, что к этому относятся с осуждением, само по себе тоже повлияет на изменение атмосферы», — резюмировал Ян Рачинский.

Владимир Паперный, культуролог и архитектурный критик, заметил, что в Лос-Анджелесе памятник Раулю Валленбергу, спасшему десятки тысяч евреев, как и в Москве, стоит около банка, но это не мешает восприятию образа Валленберга. «Любой шаг в этом направлении принесет какую-то пользу», — сказал он.

Марина Хрусталева, координатор общественного движения Архнадзор, заметила, что в случае, если станет известно о расколе в среде интеллигенции по поводу поддержки сооружения мемориала, это может привести к замораживанию проекта. «Сейчас расходы на культуру секвестрируются, и если такой раскол будет, вполне вероятно, что мэру Москвы Сергею Собянину скажут: «Давайте перенесем это на следующий год!»

Заключительное слово было предоставлено Арсению Рогиному, который отметил, что странным образом согласен со всеми, высказывавшимися противоположные мнения. Но сам он высказался в поддержку установки памятника, аргументировав это следующим образом: «Мы исходили из того, что есть Соловецкий камень и это наш памятник, это мы его установили. И мы всегда говорили: в России нет памятника государству и от имени государства. Для чего нам это надо? Только для одного — чтобы государство хоть один раз в жизни внятно сказало: террор — это плохо. Мы больше от него ничего не хотим. Скажет оно это искренне или лицемерно, меня не интересует. Говорит ли оно это с широко открытыми глазами или щелкает зубы, чтобы бросить подачку какой-то части общества, — знать не знаю, не интересно».

Важно, чтобы государство это произнесло. Тогда учительница Мария Иванова, для которой сейчас эта тема полудекадальна (учителя, библиотекари, еще 5 лет назад делавшие тематические вечера, сейчас уже опасаются этого), сможет сказать: смотрите, государство это поставило, значит... Дальше неважно, что скажет Мария Ивановна своему местному начальнику. Важно то, что это хоть какой-то для нее аргумент. Так же будет говорить любая учительница города Москвы, которая приведет к этому памятнику своих учеников и что-то должна будет сказать. И в конце концов это «что-то» будет про то, что бессудная расправа над людьми, которая творилась, это очень плохо. И это уже достижение», — заключил он.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Александр Подрабинек и Елена Файналова во время дискуссии в «Мемориале».
Фото Таисии Круговых

«30 октября» публикует статью Нины Брагинской, напечатанную в журнале «Знание — сила» № 1 в 1991 г., поскольку вопросы, поднятые автором более чем 20 лет назад, так и не нашли ответа, а дискуссия о государственном памятнике жертвам репрессий разгорелась с новой силой. С конца 1980-х годов ведется дискуссия о том, что именно должен олицетворять памятник жертвам репрессий. Тема оказалась настолько разноплановой и многослойной, содержащей так много нюансов, поворотов и трактовок, что дать однозначный рецепт оказывается почти невозможно. «30 октября», внимательно перечитав статью Нины Брагинской, решила опубликовать ее полностью, без купюр, потому что важен каждый довод.

Нина Владимировна Брагинская — профессор Института восточных культур и антропологии РГГУ, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ (с 1992 г.). В 1987 г. входила в инициативную группу «Мемориал» и после создания в 1989 г. Общества «Мемориал» сотрудничала с его Научно-исследовательским и просветительским центром.

Идею поставить памятник жертвам репрессий пошел шестой десяток. Впервые, как известно, ее высказал Л.Троцкий («Начало конца» — бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев, сентябрь—октябрь 1937 г., Париж. — Примеч. «30 октября»). Он верил, что настанет время — и памятники Сталину заменят на памятники жертвам сталинизма. Монумента, так сказать, главного, в Москве по-прежнему нет, а история у него уже есть.

Прошлое, «новейшая история», проживается сейчас заново. Не только изучается, а именно проживается. Об этом свидетельствуют обильные исторические публикации не в академических изданиях, а в ежедневных газетах, митинги и демонстрации, приуроченные не к восходящим событиям — к воспоминанию о пакте Молотова—Риббентропа, смерти Сталина, Февральской революции и т.п. Крылатая фраза о непредсказуемости нашего прошлого говорит о том же. Памятник жертвам этого заново переживаемого периода должен был бы символизировать его конец. Но занавес еще не пал: идея памятника живет как участница современных событий, как тень прошлого, отброшенная вперед.

Понятно, что эта идея имеет свой смысл: для властей — для бывших узников и их детей — для обывателя — для граждански активной части населения, для профессиональных и для самодеятельных художников. Однако доходящие до конфликта различия и противоречия в его смыслеобразе характеризуют не только разные социальные группы, что было бы вполне естественно. Противоречия заключены внутри сознания, они делают тему «Памятник жертвам репрессий» чрезвычайно болезненной, «трудной», но и такой, о которой всякий считает своим моральным долгом иметь собственное суждение. Даже очень искушенные люди становятся в связи с этой идеей своего рода графоманами от монументализма, в больших подробностях описывая, каким должен быть памятник.

Значит, воображение интенсивно работает в этом направлении, оно задето, взбудоражено, люди «мечтают» и хотят, чтобы кто-то воплотил их мечты. (Невозможно удержаться и не сравнить со всенародным прожектерством по поводу Дворца Советов.)

Наверное, в уверенности, что можно сыскать художника, который возьмется воплотить чужие дилетантские замыслы, велика роль представления о «принадлежности» народу искусства и о сугубой «идейности» последнего. Мастеру отводится роль «отделочника». Масса людей готова подарить ему «идею», и лишь единицы понимают, что художник в случае удачи создает то, что никому не могло прийти в голову.

Неумение представлять себе иную позицию и готовность думать не просто за других, — например, художников, — но и за всех, очень ярко сказались в характере многочисленных дискуссий о памятнике, в страсти,

с которой свою идею отстаивают как единственно правильную. Жертва и палач, авторитарист и демократ, диссидент и коллаборационист, независимый творец и сервильный художник — все они потому так легко превращаются один в другого (правда, в нашей исторической практике чаще в одну сторону), что в человеке тоталитарного общества обычно совершенно неосознанно присутствуют установки и ценности иных социальных групп, главным образом иерархически («простые люди») более высоких. Тоталитарный замес наших мозгов давал более или менее единый состав общественного сознания, разлитого по субъектам из общего котла. Это, увы, не помогает нам понимать друг друга, зато мешает понимать самих себя.

Я хочу попытаться описать драмы и коллизии борющегося с собой сознания. Доказательств своих интерпретаций на «мемориале» я не представляю, а отдельные примеры «полевого» характера ничего не докажут. Назову только пункты, с которых в течение нескольких лет вела свои наблюдения. Это небольшая инициативная группа «Мемориал», начавшая в 1987 г. добиваться создания мемориального комплекса, посвященного изучению истории советского общества и увековечению памяти его жертв, а затем жюри всеобщего конкурса. Я знакомилась с тысячами, без преувеличения, мнений как во множестве устных бесед, так и по письмам в Общество «Мемориал» и отзывам на выставку проектов. И сегодня вижу необходимость описать саму историю идеи, ее эволюцию и внутренние коллизии.

Мысль о памятнике узникам ГУЛАГа была продолжением разговоров эжков в лагере и уже на воле о том, узнают ли когда-нибудь соотечественники об их участи. Перспектива полного замалчивания была для них тем представимей, что масштаба происшедшего не знали в полной мере и сами репрессированные. Голос из середины этих десятилетий, взывая к памяти и сочувствию, предлагал, однако, не памятник поставить, а молчать — «почтить молчанием». Я имею в виду известные стихи Ольги Берггольц: «Почтите нас молчаньем, как мы, встречая вас, молчим». Те, кто, подобно Берггольц, вышли на свободу в 1939 г., не требовали реабилитации. Не было извинений, компенсаций, кампании сожалений о содеянном Ягодой или Ежовым, не было речи о памятнике их невинным жертвам. В 1940 г. поэт не знает и не ждет никакого членораздельного ответа, артикулированной реакции на происходящее. Потрясенная немота, шок и, кажется, еще какое-то чувство неуместности жалоб. Эта сдержанность очень сложного состава, но одна компонента ее связана с ценностями тоталитарного сознания: трагедии индивидуума не должно придаваться слишком большое значение, это нескромно и мелко на фоне великих исторических событий.

Уже после XX съезда начинает работать над первыми эскизами Эрнст Неизвестный. Он был пионером. 30 лет спустя на выставке конкурсных проектов вещи, близкие по духу этим первым прогам, оказались произведениями художественного арьергарда. — На давнем эскизе Неизвестного коллопреклоненный обнаженный человек, бесконечно несчастный, сломленный, понурый, одинокий на ровном плато-пустыне, покрытом номерами лагпунктов. В отличие от современных проектов Неизвестного (о которых надо говорить особо) здесь нет еще осмысления. Автор свидетельствует о страдании, сочувствует боли, его позиция максимально приближена к позиции самой жертвы, не понимающей, за что такие муки; попытка охватить грандиозность явления ведет к экстенсивному использованию пространства и перечислительности.

В 1959 году бывший эка поэт Лазарь Шерешевский в своем стихотворении предлагал переплавить изображения Сталина в обелиск «Во славу нашего бесславья». Этот оксюморон в то время означал жажду чего-то большего, чем только признание невинности: бывшие узники хотели, чтобы о них «знали», — не молчания уже, а своего рода «славы». Независимо от воли автора сегодня его слова понимаются иначе, расширительно. «Наше бесславье» — это позор нации, допустившей над собою надругательство, а формула «слава бесславья» заключает в себе одно из главных противоречий идеи памятника.

Суть противоречия: увековечивание чего-либо в скульптурных и архитектурных формах предполагает величие, героизм, славу, а попадание под пресс само по себе не делает героем.

Конечно, в тюрьмах и лагерях встречались не только герои, но и святые. Однако стоит различать пассивную жертву и тех, кто приносит себя в жертву (во многих языках эти понятия выражаются разными словами, как в английском: victim и sacrifice). Героична лишь добровольная жертва. В лагерях были и такие. Это достаточно пестрая группа оппозиционеров всех видов — монархисты и троцкисты, священники и толстовцы, меньшевики и такие «шпионы», которые противостояли сталинскому режиму по своим убеждениям, но никто из них, если говорить о первоначальной концепции памятника, не принимался в расчет, когда вспоминали невинных жертв Сталина.

Высказанное с трибуны ХХII съезда КПСС предложение Хрущева поставить памятник видным репрессированным деятелям партии и государства заключало в себе попытку обойти это противоречие: должен был быть памятник погубленным, невинным людям с особыми заслугами. Но поскольку они погибли не от стихийного бедствия, спрашивается: перед кем они «невинны» и связаны ли их заслуги с их участью? Если приглядеться, получается, что героизм видных деятелей весь помещается в периоде их деятельности до ареста, в революционной деятельности, в работе на высоких постах и т.п., а невинны они перед своими палачами-преступниками. А что значит быть невинным перед преступником? Быть с ним одного поля Ягодой? Как показал еще Кестлер, это значит, как минимум, виной считать то же, что и твои губители. Логически невозможно примирить злодейство Сталина и иже с ним, как оно подавалось в 1950-е годы, и невинность репрессированных перед своими судьями. Если расстреляли «по ошибке», то где же злодейство? — да и ошибок много; а если нет, то невинность компрометирует жертву.

Хрущев осудил не репрессии, а то, что репрессировали «честных партийцев», поэтому совершенно закономерным было объявление Берии английским шпионом. Версия о Сталине как агенте охраны тоже была бы очень к месту. (Хочу оговориться, что не имею оснований говорить об этой версии по существу ни за, ни против. И еще одна оговорка: «Хрущев» здесь взят как символ определенного этапа осмысления истории, причем в его официальном варианте. Хрущев-человек был, конечно, богаче той формулировки, которая засвидетельствована в его речи на ХХII съезде

главной жертвой себя самой, чтобы таким образом можно было реабилитировать не только жертвы этой партии, но и ее самое.

Спор о жертвах и палачах потому так труден, что они, за немногими упомянутыми исключениями, не были политическими противниками. Политический террор без политических противников? Вот именно: политика террора под видом политического террора.

Общепонятный и общепринятый образ монумента как славы помог официальной идее обходить масштабы репрессий и проблему многонационального ге-

обыкновенной. «Невинны» простые люди, то есть, как правило, законопослушные, живущие взглядами и понятиями, принятыми в их время и в их среде, или совершенно индифферентные политически. На основе такой не идеологической, а «обывательской» трактовки «невинности» установился иллюзорный консенсус конца 1950-х — начала 1960-х годов, согласие официального предложения с желанием множества людей, прежде всего многочисленных тогда бывших заключенных и их близких, даром, что держался тот консенсус на подмене понятий...

ное чувство им подсказывает: «...и памятник им нужен скромный».

Осознание причастности всех, кроме детей, умалишенных и сознательных врагов власти, к исправному функционированию тоталитарного режима, а следовательно, не «невинности», в общественном сознании и по сей час не достигнуто.

Идея памятника — и тормоз, и локомотив этого осознания. Локомотив — потому, что заставляет искать и не находить незапятнанные ризы тех, кому памятник. Тормоз — потому, что природа монументалистики, так сказать, позитивна. Какой бы трагической и страшной ни была воплощаемая действительность, сам акт воплощения, созидания отличается от чистого отрицания, от проклятия. В отзвухах на выставку встречаются наивные требования дать какой-то «противовес» изображаемому злу, что-то «жизнеутверждающее», «оставить надежду в этой жизни». Решить задачу, быть может, беспрецедентную из-за аутопунктивности («самоказательности») для всего общества сможет тот, кто найдет точку опоры. Это тем труднее, что из-за конфессиональной пестроты или атеизма погибших невозможно прибегнуть к освященным традицией религиозным символам.

Проекты памятников в ДК МЭЛЗ на «Неделе совести» (организована «Мемориалом» в ноябре 1988 г. — Примеч. «30 октября») (привычка приглушила неприятный привкус этого названия) и на выставке первого тура всесоюзного конкурса не решили задачи, но способы ухода от нее они предложили, и способы эти достойны осмысления.

Значительная часть проектов воссоздает образ прошлого глазами узника. Этот взгляд порождает картины как бы из фильма ужасов: моря крови, горы черепов, орудия казни, мгновения расстрела; мертвец, тянущийся к колоколу из могилы; сердце, надетое на решетку; и тюремный «декор» — колючая проволока, вышки, конвоиры. Как написал скульптор Бурганов в журнале «Декоративное искусство» (1989 г., № 8), «заменим реальную кровь окровавленными муляжами и будем все вместе, но уже в открытую бояться и ненавидеть тех, кто нас расстреливал».

Бурганов, несомненно, прав. Во многих проектах виден импульс, идущий от потрясенной психики, заметно желание пережить снова то, что нанесло травму, но уже не в жизни, а, так сказать, «на театре». Наиболее наивные проекты, своего рода монументальной фольклор отличает яркая театральность: перед нами сцена с «живой картиной». Ни смотреть свысока на такие вещи, ни трюнить над ними я бы не стала.

Взгляд глазами узника не показывает его самого, а когда его нет, нет и его концепции.

Демонстрация ужаса террора выводит казненных и заключенных из числа субъектов истории: они — чистый пассив, только страдательность, только жертвы. Естественно, что главный предмет внутреннего зрения страдальца — его мучитель, он же и единственный субъект истории. Поражало число проектов, увековечивающих в апофеозе ли кровавого пиришества или на скамье подсудимых Сталина прежде всего, некоторых его подручных и обобщенного энкавэдэшника. Сконцентрировать зло в облике уже исчезнувших с лица земли

На снимке: Филолог Нина Брагинская, стоявшая у истоков «Мемориала» и принимавшая участие в обсуждении проектов памятника в 1980-х годах — во время дискуссии в «Мемориале» в марте этого года. Фото Василия Богатова

Окончание на с. 8

НИНА БРАГИНСКАЯ: СЛАВА БЕССЛАВЬЯ

де, он руководствовался и здравым смыслом, не только идеологией.)

Между тем идея отделить чистых от нечистых и, не дай бог, не спутать виновных с невинными в том или ином понимании крепко засела в сознании людей. Помню, как в текст обращения инициативной группы «Мемориал», разошедшийся по стране и возвращавшийся с подписями, собранными в разных городах, люди часто вписывали от себя это слово — «невинным» — «невинным жертвам репрессий».

На языке хрущевской эпохи невинность-невинность означала, что человек целиком «свой» или, правильнее, — «наш», то есть полноценный носитель утопического сознания, верный и даже героический слуга режима. И чем он «невинней», тем вероятнее, как это ни ужасно, что он мог стать не жертвой, а палачом. Повторюсь: в то время ни оппозиционеры, ни религиозные деятели, ни «националисты», ни различные категории «бывших», ни повстанцы и беглецы ГУЛАГа, ни даже активные антисталинисты не реабилитировались и в числе напрасно погубленных не числились. Реабилитация переносила конкретных людей из списков «врагов народа» в список «настоящих большевиков», «честных тружеников, преданных партии и народу», а в случае, скажем, с Берией — в обратном направлении. Но при всех персональных перестановках неизменными оставались противоположенные категории, ибо власть сохраняла преемственность. Хрущев делает пар-

ноцида. Поскольку памятник по природе своей должен увековечивать деяния и образы выдающихся и знаменитых, можно в связи с ним обойти разговор о терроре против простых людей, который противоречит мифу о рабоче-крестьянской власти с ее особой любовью к «народу». Не только во времена оттепели, но и по второму заходу, в конце 1980-х годов, печать долгое время поднимала имена Бухарина, Тухачевского, Енукидзе. Тема мученичества простых людей прорвала плотину весной-летом 1988 г. Помню разговор с известным писателем, бывшим эком. Он считал, что собирать сведения обо всех репрессированных не стоит. На вопрос, а как же выбирать, ответил, что среди военных — начиная с капитана, среди писателей — с «известных». В последнее время возникает новый принцип селекции: среди репрессированных много созидателей репрессивной системы и даже работников карательных органов — им памятника ставить не хотят и даже раскулаченным припоминают сожженные на десяток лет ранее родовые имена. Я не думаю, что злорадное «за что боролись, на то и напоролись» избавляет от сочувствия и понимания трагедии этих людей. И этих, и тех. Всех пленников времени.

Идея памятника катализировала поиски правых и виноватых, категория «невинных жертв» то расширяется до всего многонационального народа, то суживается до царской семьи или заложников. Однако в массовом сознании как в 1950-е годы, так и в последние жертва тем невиннее, чем она

На выставке первого тура конкурсных проектов, прошедшей в августе-сентябре 1989 года, проекты, условно говоря, с «хрущевской» и «обывательской» трактовкой «невинных жертв» оказались резко различными. Пластическая форма «выдала» то, что можно было спрятать за словами.

Торжественный стиль, триумфальный реквизит, помпезность, позолота и героическая поза оказались сцеплены с концентрацией на таких жертвах, как коминтерновцы, командармы, верные ленинцы.

Во втором типе проектов — символическая могила, место встречи близких с умершими. Все сводится к частной судьбе, частному горю, индивидуальной трагедии. Почему эта могила оказалась местом символического упокоения миллионов, никак не проясняется. Индивидуальная могила общественного пользования. «Наши родители были скромные люди, и памятник им нужен скромный» — это из отзвухов. Не надо ничего осмысливать, не надо вообще никаких идей. Моего отца (мать, брата, мужа, сына, сестру, бабушку и т.д.) ни за что замучили, у него нет могилки, пусть теперь будет на всех одна. И все.

И не все. Вот приходит в «Мемориал» женщина: нет ли где-нибудь чего-нибудь о ее отце? — Да, кажется, что-то было. Позвольте... Да, было. О ее погибшем папе. Отправившем на тот свет добрую сотню людей... Не могут эти осиротевшие некогда дети, сейчас уже растящие внуков, разбираться в виновности-невинности своего папы. Папы! Но какое-то целомудрен-

➤ Окончание. Начало на с. 6, 7

злodeев — это тоже способ самообеления жертв. Протестуя против подобных проектов, один из авторов отзывов писал: «Сталин не Герострат даже, он — естественное явление. Не было бы его, был бы другой, и нечего увековечивать именно его имя! Наш стыд, наш ужас, наша вина, наш позор, искалеченная страна — и все это лишь И.В.? Ах-ах, можно подумать, что он был богом. Опомнитесь!» (Чаще протесты против изображения Сталина имеют другую мотивацию и связаны с позитивной семантикой монументального изображения как прославления.)

Часть проектов представляет собой, так сказать, антипамятник. Вместо того чтобы возносятся вверх, памятник уходит в землю. Это образ самой преисподней. Так достигается разрыв с героизацией и славой. Однако у мемориала-преисподней обнаруживается еще один аспект памятника бесславия. Невозможно не заметить во многих отзывах сильное чувство сакральной нечистоты, проклятости этого сооружения. Памятник представляется ужасным, как те пещеры, болота и скалы, у которых, как учили Гомер и Вергилий, находился вход в преисподнюю.

В отзывах повторяются просьбы «не осквернять» возведением этого памятника святые места города. А один зритель ободряет авторов, предлагающих для своего проекта Красную площадь, словами: «Ничего, это свято!» Это «ничего» многого стоит.

Поразительна и реакция на размещение памятника в центре Москвы: не надо «уродовать» историческую часть города, не надо «портить теперешними именами вековую святыню», и вопрос: «разве репрессии — это славные страницы истории?» В одном из отзывов прямо противопоставляются «история» и «политика», причем к истории относятся все славное, а к политике — все ужасное, что было в прошлом. К этому присоединяется легкое смещение: в давнем прошлом преобладало «хорошее», а в недавнем — «плохое».

Чувство нечистоты и понятийной непрозрачности идеи памятника, его «обидности», как бы даже кощунства сказывается в требовании сделать его, раз уж надо, но как-то так, чтобы его как бы не было. Под землей, за городом, чтобы он «не портил вид», чтобы на него не пошли дорогие материалы — «пусть он будет из самого дешевого чугуна». Заклинания от гигантских размеров памятника и использования дорогих и «красивых» материалов имеют много мотиваций. И та особая нравственность, которая не слишком высоко ставит страдания людей («Жила бы страна родная...»), и та инстинктивная скромность, понимающая, что героизация неуместна, о которой уже шла речь, и гадливость к имперскому размаху и пышности как примет «сталинского стиля», но и наименее рациональное и глубоко сидящее представление: семантика памятника-ада требует антивещества и антиобъема. Мифологически — это прах, мусор и бездна.

Когда вопрос о памятнике в Москве обсуждается среди бывших репрессированных, их детей и близких, то требуют «добиться» установки памятника в предельно сакрально и семантически нагруженной территории — на Красной площади, в Кремле или у Кремля. Так эти люди хотят «узаконить нашу память» (из отзыва). Поместить памятник в самом государственном месте государства значит получить максимально официальное подтверждение собственной лояльности этому государ-

ству, сверхреабилитацию. От кого же ее требуют? Если власть уже не та, что сажала и казнила, то почему нужны доказательства, что она не считает жертвы «той» власти преступными или подозрительными? А если власть та же, то это похоже на желание заставить кого-то вроде внука своего давнего врага и мучителя впустить бывшую жертву в дом и посадить ее в красивый угол. Миг торжества... У меня не хватит духу смеяться над этим.

Памятник мыслится, конечно, акцией, выступлением, ходом в игре и борьбе с любимой и ненавистной властью, а вовсе не символическим сооружением, которому предстоит жить века в определенном архитектурном ансамбле. Даже художники избирают место не по градостроительным и художественным, а преимущественно по политическим мотивам. Место замещает — да простится мне этот каламбур — смысл сооружения. Не так важно, что поставить, важно — где. Помещение памятника на Красной площади само по себе создает программу сооружения. Площадь становится местом, где встречаются уже не узник и палач, а реабилитированный и его близкий с облгороженным новым мышлением приемником палача. Так они сближаются, и происходит по мифологическому закону медиации (в смысле Леви-Стросса) снятие противоположностей.

Помещение памятника на Лубянке также само по себе есть его содержательная програм-

мативом, повторению репрессий. Иногда эта магическая идея рационализируется, потому что препятствием к «возврату времени» мыслится просвещенность, знание истории, а к памятнику как его важнейшая часть добавляются музей, архив, информационный и исследовательский центр. Но разве не учит нас сама история, что одни историю изучают, а другие — делают?

Вера в памятник как гарант от возобновления тоталитарного террора была бы чистой магией (как оно во многих случаях и есть), если бы у власти были прагматики, равнодушные к символу и умеющие его цинично использовать. Зачем, казалось бы, Крючкову Дзержинский? Что ему с ним — детей крестить? А вот пойдя ж ты! Будь он прагматиком, он заработал бы невиданный капитал, убрав с площади весьма, кстати сказать, выразительный памятник и сохранив за этот счет куда более важные для ведомства вещи.

Две потенции — охранительная и революционная — сосуществуют в идее памятника жертвам репрессий. Для одних это способ, отмежевавшись от преступлений, сохранить преемственность структур власти и тем самым обосновать ее легитимность, для других это символ разрыва преемственности. Не случайно поэтому в отзывах: «Пока народ не возьмет власть, мемориал будет стоять на зыбкой почве». Не случайны противопоставления памятнику действенных, а не символических

ведений, косвенно подтверждали маскирующий смысл материального бессловесного памятника хрущевской модели, которому предназначалось не столько обнаружить, сколько скрыть.

В новой общественной ситуации конца 1980-х годов воскресает идея памятника. Характерно, что у группы «Мемориал», инициировавшей движение за увековечение памяти жертв репрессий, было 2 отца-основателя, внесших в новое рождение идеи разные вклады. Один — Юрий Самодуров — выступил летом 1987 года с идеей символического сооружения в память всех погибших и пострадавших, построенного на народные деньги и создаваемого не государством, а неким общественным органом, куда входят представители власти. В новой ситуации часть интеллектуалов с ролей внутренней эмиграции переходит в политический класс, вступающая в диалог и сотрудничество с правящими кругами, переходя из нелегальной оппозиции в парламентскую.

Юрий Самодуров вносил в деятельность инициативной группы начало не вызова, а контакта, лояльности, взвешенности. Только непроходимой дурустью и косностью объясняются задержания, суды, штрафы, звонки на работу, слежка и всякая мелкая пакость (а в провинции и не мелкая), которые преследовали членов инициативных групп «Мемориал», появившихся вскоре в разных городах и республиках. Владимиру Лысенко,

В последнее время возникает новый принцип селекции: среди репрессированных много создателей репрессивной системы и даже работников карательных органов — им памятника ставить не хотят и даже раскулаченным припоминают сожженные на десяток лет ранее родовые имена. Я не думаю, что злорадное «за что боролись, на то и напоролись» избавляет от сочувствия и понимания трагедии этих людей. И этих, и тех. Всех пленников времени.

ма, хотя и не единая: от желания выгнать «компетентные органы» вон на мороз до желания получить от них же заверения в расположении и лояльности. У Кремля и Лубянки как у мест для памятника многозначительно сходные функции. Самодеятельные проекты, которыми со мною делились очень многие, тоже строятся на снятии противоречия через медиацию. Главным адресатом памятника мыслится не кто иной, как современный сотрудник КГБ, причем эта наглядная агитация для функциональных приемников мучителей и убийц должна заменить Нюрнберг для самих убийц. Лубянка делается местом битвы памятников — Дзержинскому и жертвам его учреждения. Апофеоз сублимированной мести. Своего рода комплекс графа Монте-Кристо, он возникает особенно естественно у детей репрессированных. Психическая травма раннего возраста законсервировала мечты о торжестве справедливости и наказании обидчиков в несколько, может быть, инфантильной форме. Вспомним романтический автопортрет в мечтах бедной мастерицы тортов из знаменитого фильма...

Однако памятник на Лубянке не только удовлетворяет жажду символического реванша — у него определенно просматривается функция магического оберега, чудодейственного укрощения злой силы, мистически связанной с местом своего обитания. Далеко не наивные люди, не темные, суевверные бабки и не шаманы многократно заявляли, что назначение памятника — воспре-

способов расчета с прошлым: от суда над виновным и компенсации бывшим узникам до создания экономических основ свободы индивидуума и правового государства. Однако значительная часть общества все же описывает подобные процессы на языке символов. В одном из отзывов содержится такое заключение: пока на Красной площади похоронены палачи и не восстановлен храм Христа Спасителя, не удастся создать ни одного нового памятника.

Из людей XX съезда, «хрущевской эпохи», формировалась несравненно более узкая группа диссидентов-правозащитников 1960–1970-х годов. Идея памятника, истаявшая вскоре на официальном горизонте, продолжала жить в той среде и трансформировалась соответственно ее социальной функции. В бесцензурных изданиях, порожденных этой средой, началась работа по введению в оборот утайваемой истории (пишет об этом А.Левинсон: «Память и памятник», в журнале «Декоративное искусство», 1989 г., № 11). Так памятник превратился в сборники документов и исследований, посвященных изучению и осознанию недавнего прошлого, куда относятся и знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ», и сборники «Память», «Минувшее» и другие произведения там- и самиздата. Альтернативой памятнику честным партийцам и видным государственными деятелями стала документированная историческая память. Репрессии, которым подвергались создатели и читатели подобных произ-

получившему известность как лидер Демократической платформы КПСС и единственному коммунисту московской группы «Мемориал», в свое время предложили выбирать между КПСС и «Мемориалом»... (В.Лысенко в 1989–90 гг. стал одним из учредителей «Демократической платформы в КПСС» — оппозиционного течения внутри Компартии времен перестройки, позже вышел из партии. — *Примеч. «30 октября»*.)

Другой автор «Мемориала» — Вячеслав Игрунов — как человек из среды диссидентов-правозащитников внес идею увековечения памяти в виде архива, музея, исследовательского центра. В этой концепции «увековечие» делается лишним словом, ведь историческое знание изменчиво и как таковое отрицает закрепление определенного образа прошлого. Идея исследовательского центра снимает задачу решать вопрос о жертвах и палачах до создания памятника, потому что из идеологического делает его научным.

В истории «Мемориала» — как маленькой группы москвичей, затем движения, а еще позже всесоюзного общества — идея памятника-сооружения была отправной точкой. (Напомним, 28 января 2015 г. Верховный суд РФ отклонил иск Минюста о ликвидации «Российского Мемориала», поскольку организация полностью устранила нарушения закона в своей деятельности. «Российский Мемориал» остался общероссийской общественной организацией с представительствами в более 50 регионах РФ. — *Примеч. «30 ок-*

тября».) Она сыграла роль площадки, на которой до какой-то степени была возможность сотрудничества с властью. В условиях реформ, начатых сверху, это дало «Мемориалу» своего рода фору в сравнении с другими неформальными организациями. Закрепившись на этой позиции, мемориальцы тотчас стали перетягивать канат в сторону архивно-музейного комплекса и особого рода общественной организации, с ним связанной.

Однако общественное движение за создание мемориала жертвам репрессий переключилось в своем развитии и идею возведения памятника в столице, и даже идею памятника-знания, памятника-документа. «Мемориал» начал прорастать по всей стране в формах бесчисленных гражданских действий, множества локальных инициатив — художественных, благотворительных, ритуальных, социальных, исследовательских: экспедиции, кинопоказы, записи устных рассказов, выставки, семинары, социальная и медицинская помощь бывшим энкам...

Переходя от одной социальной группы к другой, обогащаясь и меняя русло, идея памятника, так и не воплощенная в Москве, дала начало тому, что может стать истинной гарантией от возвращения к диктатуре, — начало общественной самостоятельности и самоорганизации.

Мне хочется дополнить сказанное несколькими словами о новом проекте Эрнста Неизвестного. Еще этой весной я думала, что для его концепции фактически нет зрителя. Ситуация изменилась. Не стану ни описывать проект, ни оценивать его пластические качества. Скажу лишь о том, что концепция памятника не имеет подобия ни в одном из известных мне изобразительных или словесных проектов. Автор создал памятник погибшей цивилизации. Тоталитарной цивилизации. Это своеобразная гигантская руина, и взгляд на нее исходит не из нашего времени, а словно с иной планеты, из будущего тысячелетия. Здесь нет сочувствия, нет гнева, нет страха, нет протеста. Нет никаких эмоций, естественных для современников событий. Наше недавнее прошлое, почти не прошлое даже, предстает затонувшей Атлантидой. Но по ее руинам можно бродить, можно их обживать, раскладывать букетики, какие-то предметы, крестики, свечи, портреты, даже писать имена на плиточках сооружений — ничто не может повредить образу. Как бы ни оценивать художественные качества проекта (меня, например, отталкивает материал — «технический», неупругий и скучный цемент), ясно, что автор нашел точку опоры. Для этого ему пришлось выйти за пределы периода, в котором мы живем. Все еще живем. Э.Неизвестный увидел трагедию своего народа «сверху», так сказать, историософски. Едва ли такой обобщенный и отвлеченный взгляд может быть близок тем, кто прошел ГУЛАГ, кто потерял там близких. Эмоциональным ожиданиям этих людей, не думать о которых нельзя, отвечает скорее тяжелый валун, кусок ГУЛАГа, привезенный в Москву с Соловков, чтобы лечь в сквере, между памятником Дзержинскому и Политехническим музеем.

30 октября 1990 года, в День политзаключенного в СССР, на Лубянке был открыт памятный знак с надписью: «Этот камень с территории Соловецкого лагеря особого назначения доставлен обществом «Мемориал» и установлен в память о миллионах жертв тоталитарного режима. 30 октября 1990 г. День политзаключенного в СССР».

➤ Окончание. Начало на с. 1

шую бочку с водой. «Им было легче, они втроем, а я тут один», — думал мальчик и еще удивлялся, что дорога домой кажется в несколько раз длиннее, когда тащишь санки с кашушкой. И вдруг он почувствовал под ватником какое-то шевеление. Воробей! Это же воробей отогрелся, ожил!

Та зима была в Казахстане суровой. Алихан Ахмедович помнит, что военный, который пришел в их дом ранним утром 23 февраля, сказал, что всех их увезут далеко. И добавил: «Теплых вещей побольше берите. Повезут вас в края, где сильные морозы».

— Мы жили в Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Большой дом у нас был напротив медицинского института. Накануне выселения всех мужчин собрали вроде как на собрание. Боялись, видимо, что могут быть беспорядки. А бабушка и мама стали будить всех детей и собираться в дорогу. Я сначала радовался, что поедем куда-то на поезде. Никто же не предполагал, что нас всех, как скотину, в телячьих вагонах повезут.

Его мать Хава и бабушка Зали, помня, что сказал военный про холодные края, вытащили из чулана большой тулуп, завернули в него стеганые шерстяные одеяла, кое-что из еды. На детей, а их своих шестеро, да еще двое сирот Арсельговых, Яха и Ваха, надели все, что было в доме теплее.

— Собирались быстро, а у ворот уже стояла машина. Нас всех погрузили в кузов и привезли на вокзал. А там — праздник! Гармошка играет, танцы. Оказывается, были и такие, кто радовался нашей беде. Вот так было. Хотя жили вроде бы дружно, не ругались, а нашему горю они обрадовались, — вспоминает Алихан.

НИКТО НЕ ЗНАЛ, КУДА ВЕЗУТ

В вагоне, в который загнали семью Ахильговых, было еще 13 семей. С нами в вагоне были Гадаборшевы, Горбаковы. Мужчин было мало — инвалиды да совсем немощные. А в основном в вагоне были старики, женщины и было много детей. Когда всех разместили по вагонам, привезли мужчин и распределили их в те вагоны, где были их семьи. Никто не знал, куда везут. Но то, что путь будет неблизкий, догадывались. Бабушка Зали стала сразу обустраивать места, где будут спать дети. Мужчины прорубили в углу вагона дырку в полу и загородили это место одеялами — это был туалет.

— Мы были в пути 3 недели. Не знаю почему, но когда приехали в Сталинград, то наш состав почти сутки стоял. Охрана, естественно, у каждого вагона. Я помню, что в нашем вагоне был один ингуш, который в боях за Сталинград был ранен и ему ампутировали руку. Он долго стоял у окошка, взобравшись на какой-то ящик, все смотрел на разрушенный город. Такая вот судьба. Воевал за Родину, а Родина его за это в ссылку... — вздыхает Алихан.

Военный там, дома, сказал правду — в тот день, когда состав остановился на конечной станции и ингушам сообщили, что эта станция для них — конечная, стоял мороз 35 градусов. Алихан запомнил, что у казаха, который должен был их семью везти к месту нового проживания, на усах висели сосульки.

— Нам 40 километров до колхоза ехать, дети замерзнут. Есть что-то теплое? — спросил он у Хавы. Та вытащила тулуп.

— Пойдет, — одобрительно кивнул он и всех детей уложил плотненько на сани и укрыл чуть ли не с головой тулупом.

Была ночь, когда они добрались до места. Занесенные снегом маленькие домики, ни в одном окне нет огонька. Поздно. Казах подвез их к одному саманному дому, постучал кнутом в окно. Зажегся свет, дверь открылась, на пороге стояла женщина, на плечи накинута клетчатая шаль.

— Приехали, горемычные? Ну, проходите, — она помогла раздеть детей, уложила их, сонных и устав-

ших, спать. Определила места, где будут спать взрослые. Напоила чаем.

— Отдыхайте, утром решим, как будем жить дальше.

— Вот так мы стали жить у тети Людэ. Она жила одна. Муж и сын на фронте, дочка замужем, жила в Акмоллинске. У нее небольшой домик — кухня да две комнатки. И мы все там помещались. Первое время мы, дети, старались ей на глаза не попадаться — родители приказали вести себя тихо. Да и она тоже присматривалась — какие мы. Ведь про нас разное говорили: предатели, разбойники. А когда она узнала, что наши дядя воюют, что дядя наш Башир окончил МГУ, то стала относиться к нам по-родственному. Жили мы у тети Людэ до самых теплых дней. В этом селе много было ссыльных, больше всего немцев — их первыми сюда сослали. Были балкарцы, и русские тоже не по собственной воле

потому, что ему, как самому младшему, помогали старшие братья и сестры. То, что они, депортированные, люди как бы второго сорта, дети особенно чувствовали летом, когда начинали работать пионерские лагеря, куда уезжали на отдых все, кроме детей ссыльных. И мальчишки устраивали себе сами что-то наподобие лагеря: собирались большой гурьбой и шли в поход, на речку, которая от города была в 12 километрах, рядом с сосновым лесом.

— Ее и речкой-то назвать было трудно. Так, большой ручей по пояс нам, мальчишкам. Но зато сколько радости было, по полдня пропадали там. Жгли костры, пекли картошку, купались, в лесу собирали ягоды. А пока до дому добирались по выжженной дороге, да еще когда жара стоит неимоверная — в пору назад возвращаться, такие были грязные, пыльные, — смеется он.

такое горячее желание стать моряком. Когда дома об этом узнали, то ждали прихода сотрудников НКВД. Но вместо чекистов и вызова в органы ему пришло письмо из Москвы.

— Написано было, что из канцелярии. Домашние, увидев этот конверт со множеством почтовых штемпелей, перепугались. Сначала я получил от старшего брата хороший подзатыльник, а уж потом открыли конверт, — улыбаясь, вспоминает Алихан.

А там сухим канцелярским языком говорилось, что Алихану Ахильгову разрешалось после окончания семилетки ехать поступать в Батумское мореходное училище. Но против отъезда самого любимого внука в далекий Батуми воспротивилась бабушка Зали. Она в семье считалась главной, — и пришлось покориться.

— И пришлось мне после семи-

но здесь все радовало: земля, солнце, люди. Мы — дома!

Он потом считал, сколько раз членам его семьи, разным поколениям, приходилось строить дома, заново обустраиваться. Сбился со счета, махнул рукой: «Много». Последний дом, который разрушила война, был в Грозном. «У меня своего угла, своего дома нет. Живу у сына. Война в Чечне раскидала нашу семью по всем свету», — подводит он итог.

КТО ДОЛЖЕН ЕХАТЬ В ЛАГЕРЬ

На протяжении жизни где Алихан только ни работал, чем ни занимался. Но межэтнические конфликты 1992 г., чеченские войны внесли свои печальные коррективы в судьбы многих жителей бывшей Чечено-Ингушетии, не оставив в стороне и Алихана Ахильгова. Одни просто старались выжить, Алихан же 6 февраля 1993 г., через 3 месяца после осетино-ингушского конфликта, создал фонд «Помощь ранее депортированным народам».

Сначала в зону его деятельности попадали все те, кто пострадал в результате репрессий и войн. Потом, когда все спонсоры, а их не так уж и много было, растворились, всю свою энергию, заботу Алихан стал отдавать детям.

— После всех этих конфликтов и войн много детей стали сиротами, полусиротами. И я стал заниматься детьми, которые больше всех пострадали в чеченских войнах. Много делать не мог — не было средств. Но вот сделать так, чтобы летом эти дети смогли отдохнуть в российских лагерях отдыха — в Подмосковье, в Кемеровской области, на Черном море и за границей — это было в моих силах. Здесь, естественно, помощь оказывали главы регионов — Лужков, Тулеев, которые не один год принимали наших детей в лагеря отдыха в свои регионы. Помогали международные организации. За годы существования фонда в российских лагерях отдыха летом отдохнули 7560 детишек, за границей — 1375 ребят.

Алихан как-то сказал, что каждый раз, организовывая поездку группы детей на летний отдых, он вспоминал свое школьное детство и ту обиду, которую испытывали они, дети из депортированных семей, когда в школе перед каникулами учителя составляли списки тех, кто поедет в пионерский лагерь. «У нас в классе были ребята, девочки — балкарцы, ингуши, которые учились на отлично. Но они никогда не попадали в список тех, кто должен был ехать в пионерский лагерь».

— Сколько лет прошло с тех пор, но обездоленных детей меньше не становится. Депортация, этнические конфликты, чеченские войны... Теперь вот эта война на Украине... Конца-краю не видно. И, как всегда, больше других страдают дети, — говорит Алихан.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: 1940-е гг. Большинство детей — из депортированных семей. Ученики первого класса макинской школы, в первом ряду — Алихан Ахильгов. Фото из его семейного архива

АЛИХАН АХИЛЬГОВ: «ДАЖЕ В ГОДЫ ССЫЛКИ ЛЮДИ ОСТАВАЛИСЬ ЛЮДЬМИ»

приехали. А с нашей первой хозяйкой мама моя и тетя Курейш подружались. И даже когда мы потом вернулись на родину, то они продолжали поддерживать отношения, переписывались постоянно. Во время войны всем жилось трудно. Но даже в ссылке люди оставались людьми. Не все, но многие, — считает Алихан.

МАКИНСКОЕ ДЕТСТВО

...Алихан был младше всех детей, и хотя все — и взрослые, и старшие из детей — старались, чтобы мальчику доставалось самое вкусное из нехитрого рациона, но ему все время хотелось есть.

— Первые 2–3 месяца нашего пребывания в ссылке мы голодали. Полегче стало, когда наступили теплые дни и появилась растительность. Бабушка собирала какие-то травы, варила из них супы, делала лепешки. А через год нам разрешили из этого хутора Есельского района Акмолинской области, где началась наша ссылка, переехать в город Макинск. Он и сейчас так называется, этот город. Там мы построили дом из двух комнат, купили корову. Строительный материал для дома был дерн. Потолок и стены утеплили войлоком, а полы земляные. Но свой дом, своя крыша над головой. Отец умудрился сделать себе паспорт, где ему в графе «национальность» написали «грузин». И он уехал. Сначала он работал и присылал нам деньги. На эти деньги мы и купили корову. А это большое дело для семьи, где 8 детей, кормилица она наша была. А потому мы, дети, по очереди пасли корову, заготавливали сено для нее на зиму, — вспоминает Алихан Ахмедович.

Там, в Макинске, Алихан пошел в школу. Учителя тоже были из числа ссыльных. Школа — это новые друзья, все из семей депортированных — балкарцев, крымских татар, немцев. Новые увлечения... Учебка давалась легко еще и

Свой дом, свой двор. Для депортированных это была большая удача. Алихан, посмотрев, и не раз, фильм «Тарзан», приобрел себе овчарку и назвал ее Тарзаном. А потом его друг Юра Молдавский, уезжая, подарил ему пару голубей: голубка и голубку. Он вспоминает, что ему завидовали все окрестные пацаны. Семейство голубей все увеличивалось. Он сам построил им голубятню. Но дома взрослые сказали: деньги на корм для голубей мы тебе давать не будем. Выкручивайся сам или же отдай кому-нибудь. Желавших приобрести таких красавцев-голубей было много. Но Алихан не собирался с ними расставаться, тем более что это был подарок его друга. Попытка где-то поработать — не получилось, слишком он был еще мал. Потом стал собирать колоски на полях после уборки пшеницы. Но много не насобираешь. И он стал втихую брать зерно на токах, куда свозили урожай с полей. Таким образом он натаскал зерна полный мешок, который припрятал в чулане. Но тайное стало явным — зерно обнаружила тетя Курейш. Вечером, когда он пришел с очередной порцией зерна, его ждали взрослые.

— Такой разгон устроили, еще и напододали как следует. Вообще-то, за дело мне устроили голодомойку. Если бы меня поймали, то не посмотрели бы на возраст, отправили бы в колонию, да и кто-то из взрослых был бы наказан. За хищение народного добра можно было «десятку» получить, а тут хищением занимается депортированный, враг народа, — вспоминает он.

Он поверг родственников в состояние шока еще раз, когда написал письмо Сталину. Учитель географии Николай Гаврилович вел в школе кружок и настолько заинтересовал Алихана своим предметом, что он решил обязательно поступить в мореходку и плавать по всем морям океаном. О чем он и написал в письме к Сталину, добавив, что его дядя погиб на фронте, а у него есть вот

летки поступать в физкультурный техникум, потому что я к тому времени играл в футбол, хоккей. Я физически был крепкий, думал, что буду учиться, а вечером работать. Семья большая. Хоть молоком и сыром мы были обеспечены, но ведь одеться-обуться тоже нужно. Вот и пришлось мне и учиться, и работать одновременно. Но ничего из этого не получилось. Год проучился в техникуме и бросил, пошел работать в каменоломню, где и проработал до 1957 г., когда стало возможно вернуться на родину.

ДОМОЙ!

— Мы со старшим братом Аюбом поехали первые. Но наши дома в Орджоникидзе и в Чермене были заняты, и те, кто там поселился, когда нас депортировали, освобождать наши дома не собирались. В Чермене нам прямо заявили — есть распоряжение правительства Северной Осетии ингушей сюда не пускать. Но возвращаться все равно на родину нужно! Приехали в село Кантышево, нам дали в двухэтажном доме однокомнатную квартиру с кухней. Вода в доме была, а все удобства — во дворе. Стали потихоньку обустраиваться. Трудно было,

СПРАВКА: Операция «Чечевица», во время которой с территории Чечено-Ингушской АССР чеченцы и ингуши были массово выселены в Казахстан и Среднюю Азию, проходила с 23 февраля по 9 марта 1944 г. Причинами репрессий были объявлены массовое дезертирство, уклонение от призыва в военное время и подготовка вооруженного восстания в советском тылу. 29 января 1944 г. нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей», а 31 января вышло постановление Государственного комитета обороны о депортации чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР. 20 февраля вместе с И.А.Серовым, Б.З.Кабуловым и С.С.Мамуловым Берия прибыл в Грозный и лично руководил операцией. Под видом «учений в горной местности» туда была перебросана армия в составе 100 тысяч человек, включая 18 тысяч офицеров и до 19 тысяч оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ». 21 февраля Берия издал приказ по НКВД о депортации чечено-ингушского населения. В справке Государственного архива Российской Федерации приводится число депортированных вайнахов — 362 282 чеченца и 134 178 ингушей — всего 496 460 человек («Депортация ингушей и чеченцев. Документальное досье. 1941–1945 гг.», 2014 г., Москва).

ПОБЕГУШНИКИ В ДУБРАВЛАГЕ (1957-1959)

В конце 2014 г. ушел из жизни Владимир Кузнецов. Владимир Петрович был политзаключенным, диссидентом, замечательным автором. В 1957 г. он был осужден по ст. 58-10. Отбывал заключение в мордовском Дубравлаге. Эту заметку Владимир Кузнецов написал еще в 2012 г. Публикуется впервые.

Поскольку в его деле стояло «склонен к побегу», «тамбовского англичанина» постоянно шмонали, тягали на допросы, по ночам входили в барак и светили в лицо фонариком, проверяя его наличие. В конце концов это ему надоело, и он (это было уже при мне, в 1958 г.) решил имитировать побег: накопил еды и спрятавшись в высохшем канализационном колодце. Объявлений о побеге нам не делали (просто исчез), но ребята рассказывали, что «тамбовский англичанин» был объявлен во всесоюзный розыск. Беглецы из лагеря для «особо опасных государственных преступников», каковым был тогда Дубравлаг, объявлялись в розыск через 3 дня после исчезновения. А еще

тоцикл и уеду в Швецию». Больше всего Гибадуллина расстраивало, что в Дании нет никакой заводской самодельности. В России он пел в хоре. «Как слышу, — говорил он, — песни из России, так плачу». Вот и решил в конце концов вернуться.

Поначалу, когда Гибадуллин вернулся в Ригу, его даже не тронули, дали устроиться на завод ВЭФ, и там он стал передовиком производства. Потом его пригласили в Москву на слет передовиков и арестовали прямо в московском аэропорту. Времена были уже оттепельные, получил он всего 4 года. В Дубравлаге, в отличие от Копенгагена, самодельность была, и Гибадуллин пел в хоре...

арестовали. Мы еще с самого начала договорились сказать, что заблудились».

Их выставили из погранзоны, отвезли на вокзал и посадили на московский поезд. Приехав в Москву, ребята от своих планов не отказались. Все та же стюардесса договорилась с летчиками, что их увезут на самолете. Они надели SAS-овские фуражки и затесались среди персонала. Их посадили в багажное отделение самолета, и они вылетели рейсом Москва—Стокгольм. На беду, один беглец утром перед побегом попросился с отцом, а тот доложил в КГБ. Самолет посадили в Риге. Саша и его друзья, сидя в багажном отсеке, объявления о посадке не слышали,

СПРАВКА: Владимир Кузнецов (15 мая 1936 г. — 11 декабря 2014 г.) — сын выдающегося русского лингвиста Петра Саввича Кузнецова (1899—1968 г.). В 1954 г. поступил на филологический факультет МГУ, где его отец был профессором. Почти сразу он стал одним из активистов группы молодых поэтов и любителей русской поэзии, учившихся тогда на факультете. Через год они создали группу «Сенсус», что значит по-латыни «чувство». У группы был свой гимн и даже значок — никелированный треугольник, направленный острием вниз, с черной латинской буквой S посередине. Собирались на факультете или в профессорской квартире Кузнецова на Ленинских горах, читали стихи — свои и любимых поэтов. В. Кузнецов пропагандировал Гумилева и Мандельштама, которых его отец лично знал и считал своими учителями. В ноябре 1956 г., после подавления советскими войсками венгерской революции, 2 члена группы — Кузнецов и Терехин — написали и распространили в Москве листовку протеста. Через несколько месяцев они были арестованы органами КГБ, осуждены по статье 58-10 («антисоветская азиатизация и пропаганда») и провели несколько лет в мордовских лагерях (ставших впоследствии знаменитым Дубравлагом). Там Кузнецов стал участником лагерного литературного альманаха «Пятиречье», составленного поэтом и литературоведом Леонидом Чертковым. В 1960 г. Кузнецов вернулся в Москву, работал в московских научных учреждениях, занимался журналистикой. В конце 1980-х годов он тяжело заболел. После реабилитации в 1994 г. Кузнецов начал работать над воспоминаниями, которые вышли отдельной книгой («История одной компании», 1995 г., есть в библиотеке «Мемориала») и печатались в периодике («Тыняновский сборник», вып. 10, 1998 г.; вып. 11, 2002 г.; «Новое литературное обозрение», №47, 2001 г.; «30 октября», № 8, 111; «Габриэлиада», на сайте Ruthenia, 2008 г. Дмитрий ЗУБАРЕВ

через неделю, когда «англичанин» съел всю свою накопленную еду, пришлось вылезать из колодца. Кто-то из стукачей донес начальству, что «опасный беглец» бродит по зоне. Его арестовали (посадили в БУР) и отправили на штрафняк...

О ВАЖНОСТИ ХОРОВОГО ПЕНИЯ

Гибадуллин. Родом он был из Казани, а в 1950-е годы служил радистом на траулере, жил в Риге. Когда траулер вышел на промысел в Северную Атлантику, внезапно в новогоднюю ночь он решил бежать. Надел спасательный жилет, спрыгнул за борт в проливе Каттегат и зацепился за бакен, с которого его сняли датчане из береговой охраны. Месяц сидел в тюрьме. Из его рассказов о датской тюрьме нас больше всего удивило то, что там на ночь в камерах гасят свет. После проверки ему предложили место на радиозаводе в Копенгагене. Чтобы освободить это рабочее место, датчане уволили какого-то парня. Удивленный Гибадуллин спросил уволенного парня через переводчика, не расстроен ли тот таким поворотом событий. Парень ответил: «Ничего страшного, продам мо-

СКАНДИНАВСКИЕ АВИАЛИНИИ

Следующая история рассказана мне неким Сашей. Группа студентов (золотая молодежь из московского ин-яза) решила бежать за границу. Один из них познакомился и завел роман со стюардессой авиакомпании SAS. Ее брат, служивший в финской пограничной страже, переслал ей карту участка границы для перехода и обещал помощь. Они вступили в общество охотников, купили ружья и отправились в Мурманскую область. Местность там пересечена целым рядом озер. Чтобы перебраться через них, ребята украли лодку. «Самое удивительное, — рассказывал Саша, — мы вышли по карте точно к тому столбу, который нам указал брат стюардессы». Финский пограничник должен был переправить их в Норвегию. От советской до норвежской границы в том месте было километров 30.

«Очень хорошо было вокруг, — говорил Саша. — Солнышко садится, тишина. Мы еще выясняли: поплывем или пойдем? Но вроде вокруг никого нет. Мы пошли, и вдруг из кустов вышли пограничники и нас

приняли Ригу за Стокгольм и торжествующе сошли с трапа — тут-то их и взяли. На суде им хотели приписать вдобавок к «измене родине» статью 58-4 — «провокационные действия с целью обострения отношений с дружественным государством». Дело в том, что перед второй попыткой побега они спяну угнали машину индонезийского посла и разбили ее по дороге во Внуково, куда ехали кутить. Но потом прокуроры и судьи решили, что им хватит и десятки по 58-1а: «измена родине, совершенная гражданским лицом».

ИЗРАИЛЬСКИЙ ШПИОН

Неудачную попытку побега совершил и Ленц Ращенья, белорус. Странное имя было дано ему в честь Ленина — очевидно, родился в 1924 г. (Возможно, автор имеет в виду имена, появившиеся в это время, такие, как Ленж, Ленс — Ленин жив, Ленин-Сталин. — Примеч. «30 октября».) До ареста он был старшим лейтенантом на Северном флоте. Он решил, что просто так бежать из СССР на Запад бессмысленно, лучше с военным секретом. Для побега он дождался отпуска и приехал

в Москву. Там он завязал роман с девушкой из аппарата Министерства обороны, чтобы выведать те самые нужные секреты. Чтобы окончательно запудрить влюбленной девице мозги, Ращенья выдал себя за агента израильской разведки, для которой он и собирает секретные сведения. Но он плохо рассчитал — перепуганная девица, узнав, что ее возлюбленный — израильский шпион, тут же сообщила о нем начальству. Ращенью арестовали и дали 10 лет по статье 58-16-19 — «измена родине военнослужащим через материальное». (Примеч. «30 октября».: статья 19 устанавливала, что если самого преступления — т.е. измены — не было, но можно усмотреть намерение, то этого было достаточно, чтобы дать полный срок, как и за фактическую измену.)

О ПОЛЬЗЕ ПРЫЖКОВ В ВОДУ

На воле Тарасевич был студентом-биологом Горьковского университета. Бежать он пытался не один, а целой компанией. Друзья отправились в Батуми, якобы на каникулы, позначились там с иностранными моряками, узнали расписание прогулочных катеров в тот день и час, когда корабль со знакомыми моряками выйдет из гавани. В этот момент они всем скопом должны были броситься в море с катера, а с корабля им обещали сбросить трапы и поднять на борт как утопающих. Так и сделали. Вышли на прогулочном катере в море, спрыгнули за борт и пустились вплавь к иностранному кораблю. Моряки на палубе смеялись и делали ставки — кто успеет доплыть до борта. В результате их подобрала катера погранохрана. Дали им всем сравнительно небольшие сроки — от 4 до 7 лет.

НЕМЕЦКИЙ «МАЯТНИК»

Еще один беглец, Виктор, служил, как и «тамбовский англичанин», в Группе советских войск в Германии. Он добыл у знакомой немки гражданское платье, добрался до Берлина и на метро проехал в западный сектор. Через Толстовский фонд, возглавлявшийся дочерью Льва Николаевича Александрой (живя в США, она всячески поощряла беглецов из СССР и невозвращенцев, таких же, как она сама), он получил небольшую сумму и переехал в ФРГ. Деньги он довольно быстро прожил, больше ничего ему в фонде давать не стали и велели искать работу. В результате Виктор пошел в роту охраны при каком-то гражданском предприятии. Служил он плохо, и начальник сказал ему: «Ты здесь не приживешься, я бы на твоём месте обратно попросился». Так он и сделал — и получил 5 лет по статье 58-16.

Были и другие «побегушники», но спустя 50 с лишним лет вспомнить всех я уже не могу. Относился к «побегушникам» в Дубравлаге с некоторым юмором, но и с сочувствием — как к людям, которым не повезло.

РЕГИОНЫ

ЗАХОРОНЕНИЕ НЕ БУДЕТ БЕЗЫМЯННЫМ...

На днях Следственный комитет РФ выдал Новосибирскому отделению «Мемориала» останки 32 человек, которые были обнаружены во время строительных работ на месте пересыльной тюрьмы в мае 2013 г.

«Пересыльной тюрьма была с 1929 г. по 1951 г., и через нее прошли сотни тысяч заключенных, которых этапировали в лагеря Сибири. Потом в этом здании был психоневрологический диспансер. Последние годы здание бывшей тюрьмы и еще ряд построек, которые находились на территории этого мрачного заведения, пустовали, ветшали. Потом руководство Новосибирской области продало участок вместе со зданием частному застройщику, строитель-

ной компании «СтройТоргСервис», которая на месте пересыльной тюрьмы сооружает многоквартирный жилой дом», — рассказывает Александр Рудницкий, председатель Новосибирского областного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

Захоронения были обнаружены, когда бульдозерист, роя котлован, наткнулся на многочисленные человеческие останки. Приехавшие следователи изыяли и отправили останки на экспертизу, на проведение которой ушло больше полутора лет.

«Я тогда заявил, что строить жилой дом на этом месте неразумно, даже аморально. Ведь это здание — единственное, что осталось от людей, которые прошли через эту тюрьму. Поэтому на этом месте

можно было построить некое общественное здание, я бы даже сказал — дом культуры, с музеем, как памятник репрессированным», — сказал Александр Рудницкий. Но к его словам никто из руководителей региона не прислушался.

Следствие установило, что найденные останки принадлежат 32 разным людям. В основном это были 20–30-летние мужчины, один подросток 15 лет, несколько женщин. По словам Рудницкого, выяснить их личности не представляется возможным. Уголовное дело по факту обнаружения костей так и не было возбуждено.

«Экспертам не удалось установить причину смерти этих заключенных, в черепах не было характерных отверстий, которые остаются, если че-

ловек был расстрелян», — продолжает рассказ Рудницкий.

Но факт обнаружения человеческих останков подтвержден официально. Следственным управлением Следственного комитета РФ по Новосибирской области начата доследственная проверка, подтвердила официальный представитель ведомства Марина Кинжалова.

Когда останки вернули после экспертизы в Новосибирск, то возник вопрос об их дальнейшей судьбе. И тогда Рудницкий попросил следователей передать эти останки Новосибирскому отделению «Мемориала», чтобы предать их земле, а на месте захоронения поставить памятник.

«Навряд ли мы сможем найти родственников тех, кто был убит

или же умер от болезни и истощения и брошен в яму, ставшую им могилой», — говорит Рудницкий. — Но предать останки погибших в этой пересыльной тюрьме в годы массовых репрессий — наш долг. Останки обязательно будут захоронены, и мы обязательно на месте захоронения поставим памятник с табличкой, что здесь покоятся останки жертв политических репрессий. Это место не должно быть безымянным», — сказал Александр Рудницкий.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

РУТА ОЗОЛИНЯ

29 марта 2015 г. в Риге скончалась Рута Озолина — член Правления Международного общества «Мемориал», председатель Рижского «Мемориала».

Это огромная потеря для всех мемориальцев. Наши глубокие соболезнования родным, близким, друзьям Руты Карловны, говорится в некрологе «Мемориала». «30 октября» публикует избранные реплики коллег Руты Карловны по правлению.

добиться того, чтобы бывшим советским солдатам-ветеранам войны, которые жили в Латвии, выплачивались положенные им пенсионные надбавки. Нельзя сказать, что эта цель была полностью достигнута, но какие-то сдвиги произошли.

Светлана Ганнушкина, председатель комитета «Гражданское содействие»

Она была практически одна в Риге, заменяя собой целое отделение «Мемориала». У меня с ней было одно общее дело — мы стремились добиться нормальных пенсий для ветеранов войны, которые закончили войну солдатами и, живя в Латвии, не приняли российского гражданства. В итоге им не платили пенсии ни Латвия, ни Россия (для офицеров какие-то пенсии уже были, а вот для солдат — нет). Мы пытались бороться, обращались к Медведеву, когда он был президентом. Медведев даже дал поручение, но дело заглохло. Потом, после возвращения Путина на президентский пост, он распорядился решить эту проблему, назначив самим ветеранам по 1 тысяче рублей, а членам их семей по 500. Это было позорно, и мне было стыдно перед Руткой.

Она рассказывала о себе, о своей семье, о жизни в первые послевоенные годы, рассказывала очень интересно. Я, к сожалению, не записывала, и теперь остается лишь надеяться на то, что ее родственники что-то успели записать.

На снимке: Рута Озолина, Фото из архива Рязанского «Мемориала»

СПРАВКА: Рута Озолина родилась в Москве в 1930 г. Окончила биологический факультет Латвийского государственного университета (1954 г.), работала в университете, затем в Институте микробиологии АН Латвии. Доктор биологических наук, почетный доктор АН.

С 1988 г. участвовала в работе секции «Мемориал» Балто-славянского общества, в 1989 г. была одним из основателей самостоятельного общества Рижский «Мемориал», членом Правления. С 2000 г. — председатель Рижского «Мемориала», член Координационного совета Объединения политрепрессированных Латвии, член Правления Международного общества «Мемориал».

Участвовала в организации и проведении выставок Рижского «Мемориала»: «Стена Памяти», «Пакт Молотова—Риббентропа», «Трагедия Катыни», «Карты ГУЛАГа в странах мира», «В мире двух диктатур», «Большой террор 1937—1938 и другие годы» и других — в сотрудничестве с «Международным Мемориалом» и Санкт-петербургским НИЦ «Мемориал», Военным музеем Латвии, Объединением политрепрессированных Латвии.

Вела консультативную работу среди репрессированных и их семей, бывших советских солдат-ветеранов.

Сферой ее интересов были: история репрессий латвийских организаций в СССР, увековечение их памяти, проблемы репатриации, репрессии малых народов Латвии.

Последнее интервью Руты Карловны «30 октября» опубликовала в № 121.

Василий Ханевич, заведующий мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД», председатель Томского общества «Мемориал» и член Правления Международного и Российского обществ «Мемориал»

10 апреля у нас должна открыться выставка «Письма из бересты из Сибири», посвященная судьбе сосланных в Сибирь латышей. На последнем заседании Правления «Мемориала» мы с Руткой Озолиной общались на эту тему. Она очень живо восприняла эту идею, готовилась принять активное участие в выставке. Она была человеком дела и очень сильно болела о судьбе своих соотечественников в России, о мемориальском движении. Нам будет ее очень не хватать.

Ян Рачинский, сопредседатель «Российского Мемориала»

Она всегда была верна памяти отца и его судьбе. Поэтому много лет подряд она пыталась добиться увековечения памяти об обществе «Прометей», которое объединяло живших в СССР в межвоенный период уроженцев Латвии, куда входил и ее отец. Но, к сожалению, не смогла этого добиться. Она занималась вещами, которыми не занимались другие, бралась за трудные дела. Так, она много лет занималась вопросом о латышах, репрессированных в Советском Союзе до 1940 г. Этой теме в Латвии до недавнего времени уделялось мало внимания, и Рута считала это несправедливым. Она же вместе со Светланой Ганнушкиной пыталась

РЕГИОНЫ

В Печорском историко-краеведческом музее Республики Коми прошла презентация путеводителя «Память о ГУЛАГе: Печора». Это значимое событие для нашего городка. Как многие северные населенные пункты, Печора когда-то представляла собой один большой лагерь. Вся инфраструктура города создана трудом заключенных. Ими же закладывались основы образования, здравоохранения, культуры.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕЧОРСКОМУ ГУЛАГУ

О Печоре 1940—1950-х годов написано много статей и художественных произведений. Они раскрывают различные аспекты и направления изучения истории региона. Но вот единого сборника, посвященного истории ГУЛАГа на территории нашего города до сих пор не было.

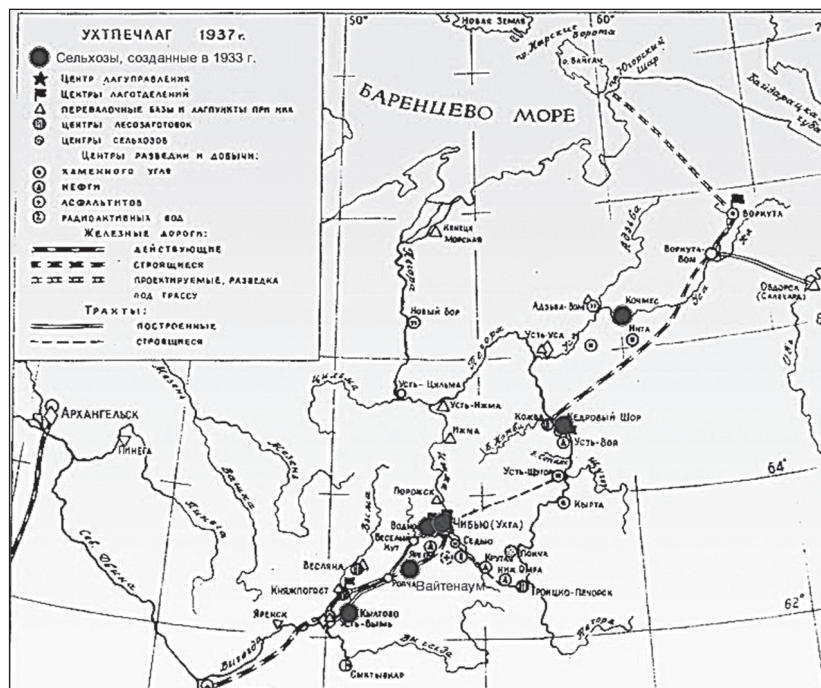
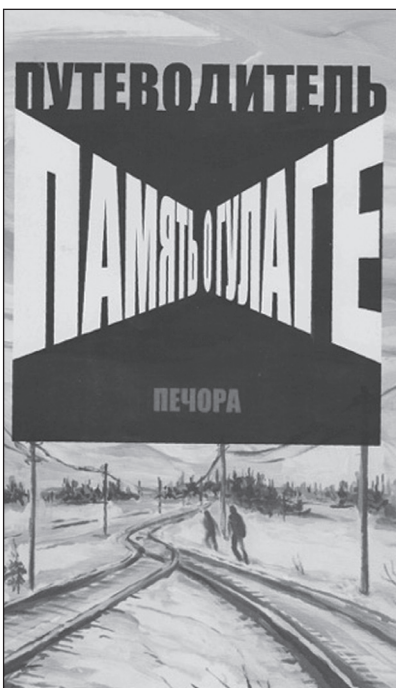
Издание путеводителя стало возможным благодаря двум факторам.

Прежде всего следует отметить огромный труд Печорского отделения Всероссийского правозащитного общества «Мемориал».

Владимир Григорьевич Чиванов собрал материал о дислокации лагерных объектов в железнодорожной части города и создал карту-схему расположения лагерных подразделений в районе научно-исследовательской базы (НИБ), давшей название этому району Печоры.

Борис Дмитриевич Серов, бывший политический заключенный, автор очерков и рассказов из лагерной жизни, помогал в воссоздании предметов интерьера и отделки помещений дома культуры железнодорожников (ДКЖ) — в прошлом здания театра ГУЛАГа. С 1990 г. по 1994 г., до самой своей смерти, Борис Дмитриевич Серов был председателем местного «Мемориала». В Печорлаге Борис Дмитриевич работал инженером-прорабом, был актером самодеятельного театра. Художник, резчик по дереву, фотограф, коллекционер...

Борис Борисович Иванов много лет посвятил изучению захоронений и установке памятных крестов на захоронениях. Им созда-

на серия рисунков, посвященных Печорлагу, некоторые из них опубликованы в путеводителе.

Ольга Алексеевна Литвинцева около четверти века занималась сбором устной истории политических репрессий в Среднем Припечорье. Она оказала помощь в сборе информации и описании домов по улицам Стадионной и Московской, истории ДКЖ, консультировала по вопросам деятельности лесокombината, принимала участие в установлении памятных знаков на местах массовых захоронений в Печоре, поселке Кожве, на станции Вылью, в поселке Красный Яг.

Татьяна Геннадьевна Афанасьева долгие годы скрупулезно собирала материал о периоде репрессий на Печоре, вела активную переписку с бывшими узниками. Она автор многих статей по истории политических репрессий в Печорском районе, составитель путеводителя.

Другим фактором стал международный проект «История террора» — издание путеводителей по городам России, к которому подключился Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние». В Республике Коми уже изданы путеводители по Сыктывкару (составитель

Михаил Рогачев) и Инте (составитель Любовь Малафеевская). И вот теперь вышел третий сборник — о Печоре.

На презентацию в Печорский историко-краеведческий музей пришли старожилы города, члены общества ветеранов и «Мемориала», школьные историки, ученики и студенты.

В приветственном слове заместитель главы администрации муниципального района «Печора» Николай Калинин выразил благодарность авторам-составителям сборника, подчеркнул значимость издания Путеводителя для печорцев.

Перед собравшимися выступили председатель печорского городского совета ветеранов В.Меньшиков и председатель городского отделения Всероссийского общества «Мемориал». Они отметили научную и просветительскую ценность Путеводителя, необходимость сохранения исторической памяти и передачи ее молодому поколению.

Представили новое издание сотрудники музея — следуя за страницами книги, они рассказали о становлении Печорлага, его задачах, трагических судьбах работавших здесь людей. С интересом рассматривали зрители фотографии первых зданий: вокзала станции Печора и пересыльного пункта, лазаретов и изолятора, НИБ и больницы № 8, лесокombината и клуба... В рассказы ведущих естественно вплелись стихи печорских поэтов, прочитанные учащимися школы № 49, в здании которой когда-то располагалось управление Печорлага.

Минутой молчания почтили присутствующие память погибших на Печоре первопроходцев.

В заключение ведущие отметили, что в Путеводителе вошла лишь небольшая часть собранных материалов, и выразили надежду, что более полная версия будет издана в электронном варианте к концу года.

Людмила Еделькина, председатель Печорского отделения Всероссийского общества «Мемориал»

На снимках: обложка Путеводителя и карта размещения объектов Ухто-печлага в 1937 г.

1920. 28 апреля

В Азербайджане (Азербайджанская демократическая республика, июль 1918 г. — 1 мая 1920 г.) местные коммунисты подняли восстание. «По просьбе» восставших им на помощь пришли Красная армия (на снимке) и Каспийская флотилия. Правительство независимой Азербайджанской республики бежало, и в Азербайджане была провозглашена советская власть. «Вторжение советских войск в Азербайджан производилось по стандартному большевистскому сценарию: местный ревком поднимает настоящее или «виртуальное» восстание рабочих и сразу же обращается за помощью к Красной армии. По этой схеме действовали свыше 50 лет: вторжение в 1956 г. в Венгрию, в 1968 г. в Чехословакию и т.д.» (Широкопад А. Б. Великая речная война. 1918–1920 годы. — М.: Вече, 2006.)

1925. 10 апреля

Город Царицын был переименован в Сталинград. Во время Гражданской войны Сталин был одним из руководителей оборонной города от наступающих на него частей атамана Петра Краснова. Дважды из-за своих действий, мешавших военным специалистам, Сталин был отозван в Москву. В 1961 г. в рамках борьбы с культом личности город переименовали в Волгоград. В последнее время в России возникают идеи по возвращению городу имени Сталина. Так, в 2013 г., депутаты Волгоградской городской думы решили использовать название «город-герой Сталинград» в праздничные и памятные дни. В 2014 г. президент России не исключил, что Волгограду после референдума может быть возвращено историческое название. 25 февраля 2015 г. Госдума отклонила предложенный фракцией КИРПФ проект постановления о возвращении Волгограду исторического названия Сталинград.

1930. 7 апреля

СНК СССР принял постановление о создании Управления лагерей ОГПУ (в 1931 г. оно получило название ГУЛАГ). Была создана единая централизованная система исправительно-трудовых учреждений. Точное число людей, прошедших через ГУЛАГ, неизвестно, по разным оценкам — 18–20 млн человек.

1945. 25 апреля

В Сан-Франциско состоялось открытие конференции 50 государств-учредителей Организации Объединенных Наций. Была создана современная система международной безопасности, а затем и международная система защиты прав человека. Генеральная Ассамблея ООН в 1948 г. приняла и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека, после чего рекомендовала всем государствам-членам обнародовать текст декларации путем «распространения, оглашения и разъяснения, главным образом в школах и других учебных заведениях, без какого бы то ни было различия, основанного на политическом статусе стран или территорий».

1955. 18 апреля

В Принстоне (США) умер великий ученый, лауреат Нобелевской премии по физике, гуманист и правозащитник (активист основанной в 1922 г. Международной лиги по правам человека) Альберт Эйнштейн.

1960. Апрель

В Москве Александр Гинзбург выпустил третий (и последний) номер самиздатского журнала «Синтаксис». В сборник вошли стихи 10 молодых ленинградских поэтов, не имевших возможности издаваться. Среди них дебютировал будущий нобелевский лауреат Иосиф Бродский. В июле 1960 г. Гинзбург был арестован.

1965. 14 апреля

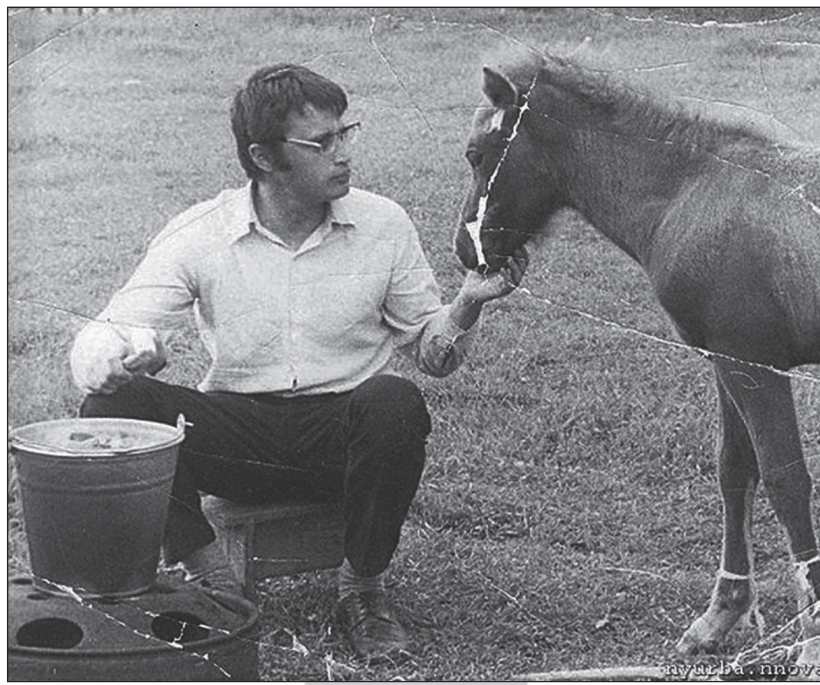
В Москве состоялась самая известная акция группы СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев). В годовщину гибели Маяковского члены группы собрались на площади Маяковского, прочли возле памятника поэту стихи и декларации, затем прошли по Садовому кольцу до здания Союза писателей, чтобы вручить его руководству требование о создании независимого литературного журнала. Манифестанты несли плакаты, один из которых гласил: «Лишим соцреализм девственности». Милиция задержала демонстрантов.

1970. 24 апреля

В Горьком завершился продолжавшийся около месяца судебный процесс над молодыми историками Михаилом Капрановым, Сергеем Пономаревым, Владимиром Жильцовым, Владленом Павленковым. За написание и размножение «антисоветской» литературы, попытки создания организации, выступления против нарушения законности и конституционных норм Павленков и Капранов были приговорены к 7 годам лагерей, Жильцов — к 4 годам, Пономарев — к 5 годам лагерей.

1975. 18 апреля

В Москве был арестован правозащитник Андрей Твердохлебов (на фото), один из основателей Комитета прав человека, секретарь советской секции «Международной Амнистии».

Суд над Твердохлебовым состоялся 14–15 апреля 1976 г. Ему инкриминировали составление правозащитных документов, а также распространение работ А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова. До 1978 г. Твердохлебов находился в ссылке в Якутии.

1980. 10, 29 апреля

В Москве были арестованы известные правозащитники: член Московской Хельсинкской группы и Рабочей комиссии по расследованию использования пси-

хиатрии в политических целях Леонард Терновский и редактор «Хроники текущих событий» Александр Лавут, один из наиболее активных защитников крымских татар. По статье «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» каждый из них был осужден на 3 года лагерей.

1985. 24 апреля

В пермском политическом лагере покончил с собой Князь (Ишхан) Мкртычевич Мкртчян — деятель армянского национально-освободительного движения, один из основателей Союза армянской молодежи, член Национальной объединенной партии Армении, автор и распространитель Самиздата.

1990. Апрель

Демократическое большинство депутатов городских советов в Москве и Ленинграде избрало председателями членов Межрегиональной депутатской группы Гавриила Попова и Анатолия Собчака. На состоявшихся в марте первых свободных выборах коммунисты потерпели поражение. депутатская группа — демократическая фракция Съезда народных депутатов СССР, первая советская парламентская оппозиция. Она сформировалась на I Съезде народных депутатов вокруг демократических депутатов от Москвы: А.Д. Сахарова, Ю.Н. Афанасьева, Г.Х. Попова.

1995. 7–8 апреля

Во время проведения сводным отрядом военнослужащих внутренних войск МВД РФ и сотрудников ОМОН и СОБР МВД РФ операции по занятию села Самашки произошли вооруженные столкновения. Сопротивление подразделением МВД оказали небольшие группы бойцов отряда самообороны. Потери понесли обе стороны. Вооруженное сопротивление в Самашках, вопреки утверждению ряда военных источ-

ше всего людей (103 человека, по данным ПЦ «Мемориал») и было разрушено большинство домов. Эта операция и ее последствия имели широкий общественный резонанс как в России, так и за ее пределами.

1920. 18 мая

Каспийская флотилия Красной армии провела десантную операцию на территории Ирана — захват порта г. Энзели и находившихся там белогвардейских кораблей. Так начался «экспорт революции» в Иран. Вскоре на севере Ирана была провозглашена Иранская Советская республика. Она просуществовала около года: 8 сентября 1921 г. советские войска были выведены, и уже 2 ноября республика пала под ударами иранских правительственных войск.

1925. 7 мая

В Москве в здании ОГПУ покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна кабинета на пятом этаже) революционер, террорист Борис Викторович Савинков. В 1917–1924 гг. он был одним из руководителей антибольшевистского сопротивления, в августе 1924 г. в результате разработанной ОГПУ операции «Синдикат-2» был обманом заведен в СССР и арестован. В печати сообщение о гибели Савинкова появилось только через неделю. Место захоронения неизвестно.

1945. 8–9 мая

8 мая верховный главнокомандующий Вермахта Кейтель подписал в Потсдаме акт о безоговорочной капитуляции Германии перед союзниками — СССР, США, Великобританией и Францией. Капитуляция нацистской Германии вступила в силу 8 мая в 23:01 (по средневропейскому времени). В Москве было уже 9 мая. Именно этот день отмечался в СССР и отмечается в России как День Победы.

1950. 5 мая

Газеты «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС о том, что Советский Союз полностью завершил репатриацию немецких военнопленных. На территории СССР, по утверждению средств массовой информации, остались лишь военные преступники общим числом 13 546 человек. За последующие 3 года на родину смогли вернуться около 800 немцев. Это были военнопленные, в отношении которых за недоказанностью были прекращены уголовные дела, а также интернированные и гражданские лица, о которых в сообщении ТАСС ничего не говорилось. Процесс репатриации возобновился после смерти Сталина.

1955. 14 мая

В Варшаве был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи — военный союз социалистических стран (Варшавский пакт). Договор закрепил размещение войск СССР на территории Венгрии, Польши и Чехословакии и послужил одним из оснований для интервенций в Венгрию (1956 г.) и Чехословакию (1968 г.). Варшавский договор начал распадаться в 1989 г. в ходе «бархатных» революций и официально прекратил свое существование в 1990 г.

1960. 1 мая

В районе Свердловска советской ракетой класса «земля—воздух» был сбит самолет-разведчик

США, пилотируемый летчиком Ф. Пауэрсом. Сообщение об аресте пилота, сделанное Хрущевым накануне визита президента США в СССР, привело к отмене визита и новому обострению холодной войны.

30 мая

В дачном поселке Перedelкино под Москвой умер поэт Борис Леонидович Пастернак. В 1958 г. он был исключен из Союза писателей за публикацию за границей своего романа «Доктор Живаго». «Его похороны стали своеобразной молчаливой оппозиционной демонстрацией», в ней участвовали Андрей Синявский и Юлий Даниэль. В 1966 г. их осудят за аналогичное «преступление».

1965. 13 мая

В здании МГУ на Ленинских горах состоялся первый в СССР вечер памяти погибшего в сталинских лагерях поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Никаких репрессий против организаторов и участников этого вечера не последовало. Председательствовал на вечере Илья Эренбург, среди выступивших был Варлам Шаламов, прочитавший свой рассказ «Шерри-Бренди» о трагической гибели поэта. В СССР этот рассказ стало возможным опубликовать только через 22 года — в 1987 г.

1970. 29 мая

Жорес Александрович Медведев, биолог, один из первых авторов Самиздата, был насильственно помещен в Калужскую психиатрическую больницу. Энергичная кампания протеста, в которой участвовали А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын, П.Л. Капица, А.Т. Твардовский, привела к его освобождению через 20 дней.

1980. 27 мая

В Москве была арестована правозащитница Татьяна Осипова, в 1978–1980 гг. одна из ведущих членов Московской Хельсинкской группы. До 1987 г. она находилась в заключении и ссылке. Ныне живет в США.

Май

В Ленинграде под редакцией Галины Григорьевой и Натальи Лазаревой вышел самиздатский журнал «Мария» — орган феминистского движения в СССР. Редакторы и авторы журнала заявили о религиозной трактовке женского движения и поиске особого пути, исходя из полной непохожести российского самосознания и российской ситуации на условия, в которых действовали западные феминистки. Советские феминистки в основном были православными и не мыслили никакой деятельности вне церкви. Все они стояли на антимарксистских позициях. За 1980–1982 гг. вышли 6 номеров журнала. После ареста Н. Лазаревой в марте 1982 г. издание прекратилось.

2000. 28 мая

В Каунасе умер кардинал Литовской католической церкви Винцентас Сладкявичюс, духовный лидер движения за права церкви и верующих в Литве. Более 20 лет (1959–1982 гг.) он находился фактически под домашним арестом в глухих районах Литвы. Похоронен в усыпальнице Каунасского кафедрального собора.

Фото из архива НИИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.RU

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495) 699-1180
Тел. редакции: (495) 699-6478
E-mail: 30october@cknot.info

В подготовке номера принимали участие:
А.А. Макаров
Я.З. Рачинский

Главный редактор Г.С. Шведов
Выпускающий редактор Н.В. Савельичева
Литературный редактор Л.М. Алексеева
Корректор Г.В. Заславская
Верстальщик В.А. Ходина

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Апрель — май 2015. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно